

18+

Ее НОТА

ТИШИНА
ПОСЛЕ НЕЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

V. F. WINTER

V. Winter

Её нота. Тишина после неё

<https://litres.ru/74070794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лиам Монро был уверен: уйти — значит дать Эстер шанс на жизнь, свободную от тени их связи. Он решил за двоих, что его отсутствие станет для неё освобождением, но вместо этого обрёл лишь тишину, оказавшуюся громче любых слов.

Теперь, столкнувшись с последствиями собственного решения, Лиам понимает: разрушить оказалось гораздо проще, чем вернуть. Это борьба не за лёгкий второй шанс и не за возможность всё исправить одним признанием. Это борьба против фальши того, что он сотворил, самоуверенно распорядившись чужим будущим.

Некоторые ошибки не исчезают со временем. Они продолжают звучать эхом даже тогда, когда кажется, что всё уже осталось позади.

«Её нота. Тишина после неё» — история о любви, прошедшей через разрыв, и выборе, который должен был стать выходом, но обернулся самыми тяжёлыми последствиями.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	14
Глава 3.	29
Глава 4.	44
Глава 5.	62
Глава 6.	78
Глава 7.	92
Глава 8.	104
Глава 9.	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Её нота. Тишина после неё

Глава 1.

Лиам

Music on: Hildur Guðnadóttir — «Bær»

Мы верим, что расстояние — это лекарство. Что если уехать достаточно далеко, можно оставить своё прошлое на обочине, как изношенную шину. Но правда в том, что ты берешь себя с собой в каждое новое место. И тишина, которую ты так ищешь, оказывается лишь эхом того, от чего ты пытался сбежать.

Огайо в январе — это не декорация для рождественской открытки, это чистилище в монохромных тонах. Здесь, в загородном доме Джулиана Локвуда на берегу озера Эри, зима не заигрывала — она методично стирала границы между небом и землей, превращая мир в герметичную капсулу. Джулиан купил это убежище для семейных вылазок, стремясь подарить жене и сыновьям островок тишины, но сейчас дом стал моим персональным Паноптикумом, где в роли надзирателя и единственного заключенного выступал я сам.

Эта добровольная ссылка была единственным способом выставить заслон между мной и Нью-Йорком. Я забился в

эту глушь с одной целью: лишить себя любого соблазна сорваться, сесть в машину и вернуться к ней. Я воздвиг стену из сотен миль заснеженных шоссе и ледяной пустоты, надеясь, что физическое расстояние поможет укротить ту нездоровую тягу, которая грозила похоронить под собой будущее Эстер.

Днем я еще пытался имитировать деятельность, чтобы не сойти с ума от вязкого безмолвия. Уходил на часовые прогулки вдоль берега, подставляя лицо ледяному ветру, словно надеялся, что он выжжет из памяти события декабря. Но к вечеру погода неизменно портилась, метель отрезала убежище от цивилизации, и я оставался один на один с камином, виски из запасов Локвуда и случайными томами из его библиотеки. Весь досуг превратился в форму интеллектуального самобичевания, где каждая прочитанная строчка лишь подчеркивала глубину падения. Моя жизнь погрузилась в стагнацию — состояние, в котором время потеряло смысл, а движение стало невозможным.

Эта изоляция была санкционирована моими ближайшими союзниками. Локвуд проявил сдержанность: он просто оставил меня наедине с катастрофой, которую я собственноручно сотворил. Он же взял на себя координацию дел в Нью-Йорке и консультации с ключевыми клиентами, позволяя мне окончательно раствориться в этой глуши, пока ассоциалы исправно поддерживали жизнедеятельность фирмы. Маркус Гейтс, напротив, периодически выносил мозг звон-

ками, обещая вытащить меня из этого дерьма, но когда он начинал давить слишком сильно, я просто отключал телефон.

Абрам Голдман сработал с хирургической точностью: в тот же вечер он нейтрализовал всех репортеров и фотографов, которые могли пронюхать о нашей связи. В его мире чистая репутация дочери была таким же активом, как портовые терминалы, и он не собирался обесценивать её из-за сорокадвухлетнего адвоката. Для таблоидов этот сюжет стал бы легкой добычей, но Абрам просто вычеркнул саму возможность огласки, убедившись, что у тех, кто видел нас вместе, пропало всякое желание публиковать снимки или брать интервью.

Мир забыл о нас, так и не узнав, что мы вообще существовали в жизни друг друга. Я пытался убедить себя, что это благо — что когда Эстер станет великой скрипачкой, чье имя будет звучать в лучших залах мира, она вспомнит меня — с теплотой или ненавистью. Трусливо надеялся на первое, хотя понимал, что не заслуживаю ничего, кроме её презрения.

Но как только наступала ночь, хваленое самообладание окончательно покидало меня. Я просыпался в холодном поту от фантомного ощущения её присутствия. Пальцы судорожно искали тепло кожи, знакомый изгиб плеча, но натыкались лишь на ледяную пустоту простыней. Ни её, ни её запаха — только гаснущий камин и горький привкус вчерашнего виски.

В эти часы, когда тишина в доме становилась почти ося-

заемой, я скатывался на самое дно своего изгнания, обращаясь к самому унижительному атрибуту новой жизни — приложению в телефоне. Кейден Брукс, гений из Цинциннати, скинул мне его без лишних вопросов. Софт под названием «M-Tracking» был личной игрушкой Кейдена для слежки за женой. Теперь я — человек, построивший карьеру на логике и безупречных аргументах, — добровольно воспользовался этой лазейкой, чтобы быть ближе к её жизни, чем когда-либо позволяла реальность.

Экран в полумраке гостиной выглядел как приговор: маленькая пульсирующая точка на карте Нью-Йорка — всё, что осталось от моей вселенной. Я часами наблюдал, как она перемещается из квартиры в академию и обратно, вычерчивая геометрию одиночества, которую я сам спроектировал в тот день. Она не писала и не звонила. В самых позорных глубинах сознания я ждал, что она сломается, будет умолять меня вернуться или завалит гневными сообщениями. Но Эстер проявила достоинство, к которому я оказался не готов. Её молчание методично уничтожало мою уверенность в том, что я поступил правильно.

Сегодня было четырнадцатое января — ей исполнялся двадцать один год. Я сидел в кресле, глядя на пламя, и заставлял себя не делать ничего. Ни цветов, ни подарков. Моё отсутствие — единственный честный подарок, который я мог ей преподнести. Я был конченным трусом, который прячется в лесах Огайо от единственного человека, способного

подарить смысл.

Тишину гостиной разрезал резкий звук. Телефон вибрировал на кофейном столике. Рука предательски дернулась раньше, чем логика успела выставить заслон. В этой судорожной спешке была лишь жалкая надежда, что на экране высветится её имя. Я нажал «принять», не глядя на дисплей.

— Да? — выдохнул я, едва сдерживая дрожь.

— Монро?

Голос был хриплым и до боли знакомым. В нем не было нежности Эстер, зато было достаточно свинца, чтобы пробить стены этого дома.

— Да, — ответил я, чувствуя, как надежда рассыпается в ледяную пыль.

— Это Абрам Голдман.

Я ожидал чего угодно, но только не его. Человек, который при нашей последней встрече предпочел словам физическое насилие, — не принадлежал к числу тех, кто совершает дружеские звонки.

— Где ты сейчас? — его вопрос был лишен прелюдий. — Ты в Нью-Йорке?

— Нет, я далеко от города.

— Слушай меня внимательно, Лиам, — голос Абрама стал ниже, угрожающе спокойным. — В какой бы зловонной дыре ты ни прятал свой холеный зад, ты должен вернуться. Немедленно.

Я сжал телефон так, что побелели костяшки, но Голдман

не дал мне вставить ни слова.

— Ты обязан разгрести те авгиевы конюшни, которые устроил в жизни моей дочери, — продолжил он. — Знаешь, Монро, я повидал немало обломков, но то, что я обнаружил в Нью-Йорке вместо неё, — это твоя личная катастрофа.

Вскочив на ноги, я едва не опрокинул стакан. Стекло дно жалобно звякнуло о столешницу. Дыхание перехватило, а в груди словно сработал предохранитель, отсекая все эмоции, кроме ледяного страха.

— Ты не просто ушел, — безжалостно отчеканил Абрам. — Ты оставил её в состоянии «латентного распада». Это медленное самоубийство, и виновато в нем только твое трусливое благородство.

— Что с ней? — мой голос сорвался на рык.

— Физически она в порядке, если тебя это волнует, — процедил Абрам с явным презрением. — Но ты оставил после себя выжженную землю, Лиам. И по ироничной несправедливости виноватым в этом мешугасе остался я. Она винит меня в каждом твоём малодушном шаге, она даже слышать меня не хочет. Грош цена моему «согласию» на ваши отношения, если ты сделал из меня монстра, чтобы оправдать свой побег. Да, я поставил тебе условие, Монро, но окончательный выбор сделал ты сам.

Слушая его, я чувствовал, как желчь подступает к горлу. Абрам виртуозно перекидывал ответственность, прекрасно понимая, почему на самом деле я решил оставить её. Сейчас

он выставляет всё так, будто я испугался его угроз — хотя для меня они были не более чем пылью.

Я сделал это, потому что спасал её... спасал от себя. Я знал: она будет предана мне до последнего, просто в силу характера, но не был готов идти на такие жертвы. Я не хотел однажды увидеть в её глазах не любовь, а осознание того, что она сама себя приговорила, связав жизнь со мной.

— Я пытался... — начал я и тут же замолчал.

Слова были бессмысленны.

— Она не посещает репетиции, — голос Абрама стал еще холоднее, заполняя тишину. — Латц в отчаянии — она не хочет даже брать скрипку в руки. Понимаешь ли ты своим адвокатским умом, что это значит? Она приходит лишь на какие-то незначительные теоретические дисциплины, существуя как тень в стенах академии.

Я закрыл глаза, чувствуя, как каждый звук его голоса бьет под дых.

— Я прилетел сегодня, чтобы поздравить её, вопреки всей той стене обид, которую она выстроила между нами за последний месяц, — Абрам сделал паузу, и в трубке отчетливо зазвучало его тяжелое, с присвистом, дыхание. — Я хотел быть рядом, но когда увидел, что стало с её квартирой... и с ней самой...

Он снова замолчал, и эта тишина была красноречивее любого крика.

— ...Лиам, она просто угасает. С каждой секундой, пока

ты играешь в отшельника, ты убиваешь её веру в то, что музыка — это жизнь.

В этом звуке было столько неприкрытого, почти животного отцовского бессилия, что я на секунду забыл, как дышать. Я ожидал угроз, ярости, даже исполнения его старого обещания прикончить меня, но не этого надломленного, пугающе личного признания. Это был разговор не с главой корпорации, а с человеком, который окончательно потерял связь с единственным дорогим ему существом.

— Ты должен вернуть мне мою дочь. Сделай так, чтобы всё её презрение и ненависть были направлены исключительно на тебя. Сделай её ярость инструментом возвращения к жизни. Мне плевать, какими способами ты этого добьешься, но сделай так, чтобы не нанести ей еще большего ущерба. Исправь это, Монро. Или я позабочусь о том, чтобы твое отсутствие в этом мире стало окончательным.

В трубке раздались короткие гудки. Я стоял в темной гостиной, глядя на экран телефона, где всё еще пульсировала точка в Нью-Йорке. Теперь это была не просто геопозиция. Это была эпитафия моему спокойствию — последняя черта, за которой от моей прежней, упорядоченной жизни не осталось даже тени. Моё «правильное» решение оказалось актом высшей жестокости, и цена за него только что выросла до небес.

Абрам требовал возвращения, превращая меня в свой инструмент. Он хотел, чтобы я конвертировал её тихую боль в

концентрированную ненависть, направленную на меня одного. Его план был циничен: заставить меня растоптать остатки того, что мы строили, лишь бы она снова начала дышать — пусть даже от ярости.

Но этот звонок вызвал у меня совершенно иное желание. До сегодняшнего дня я, как последний дурак, тешил себя иллюзией, что всё идет своим чередом. Я наивно полагал, что она приняла мой уход, вычеркнула меня из жизни и вновь обрела покой в музыке, растворившись в бесконечных репетициях. Я верил, что она в порядке — что она живет, а не существует.

Но теперь — с неё хватит моей «заботы», которая едва не стоила ей будущего. Я не собираюсь причинять ей новую боль. Я хочу исправить всё, что натворил, даже если для этого уже слишком поздно.

Я посмотрел на часы. Меньше шести часов до полуночи — и меньше шести часов до того, как мой единственный шанс на искупление станет окончательно недостижим.

Нью-Йорк был далеко. Зимние трассы Огайо сожрали бы всё моё время, оставив меня посреди Пенсильвании за сотни миль от неё, когда истекут последние минуты. У Локвуда не было частного самолета, но у меня была чековая книжка и достаточно злости, чтобы пробить любую стену.

Я быстро набрал номер оператора частных чартеров в Кливленде.

— Мне нужен борт до Тетерборо. Сейчас.

— Сэр, погодные условия... — начал было сонный голос на том конце, — мы не принимаем заказы на ближайшие часы из-за метели...

— Оставьте бюрократию, — я оборвал его, не давая развить мысль. — Меня не интересует регламент. Тройная ставка, полная страховка рисков. Найдите пилота, готового подняться в воздух, или я переключусь на конкурентов через минуту. У вас десять минут на подтверждение.

Я сбросил вызов, не дожидаясь ответа. Мне не нужны были вещи, мне не нужно было прощание с этим домом. Я просто захлопнул дверь, оставляя позади всё свое хваленое спокойствие. Пришло время платить по счетам, которые я выставил сам себе.

Глава 2.

Эстер

Music on: SYML — «Where's My Love» (The Field Tapes & Ezzy Remix)

Мир больше не состоял из стройных симфоний — он рассыпался на тягучие, гипнотические волны глубокого хауса. Эти басы не ласкали слух, они врывались в грудную клетку, навязывая мне чужой, агрессивный пульс, имитируя сердцебиение, которого я в себе больше не находила. В этой музыке была странная, надломленная меланхолия: низкий вокал переплетался с тяжелым ритмом, создавая ощущение падения в замедленной съемке. Идеальный шум, чтобы заглушить тишину, поселившуюся внутри. Здесь не нужно было искать логику — достаточно было просто позволить вибрации, от которой дрожал пол под моими тонкими каблуками, вести меня за собой.

Я танцевала, не открывая глаз. Красные вспышки неона пробивались сквозь веки, окрашивая темноту в тревожные тона, но я лишь глубже уходила в этот электронный транс.

Когда на моей талии сомкнулись ладони, я даже не вздрогнула. Пальцы сжали кожу уверенно, по-хозяйски, притягивая меня спиной к горячему телу. Этот жест — властный,

до боли тяжелый — раньше заставил бы меня отпрянуть, но сейчас внутри не шевельнулось ни одно чувство. Ни протеста, ни интереса. Мне было до странного всё равно, кто стоит за моей спиной. Мое тело продолжало двигаться в такт битам, становясь частью этого огромного, потного механизма танцпола, послушное рукам, которые я не выбирала.

Я чувствовала, как ладони поднимаются выше по тонкому шелку платья. Слишком короткое, слишком открытое и совершенно неподходящее для этой ледяной ночи, оно казалось мне последним манифестом моего безразличия. Если мне было плевать на холод внутри, то мороз за стенами клуба и вовсе не имел значения.

Руки обхватили мои предплечья, и я, словно в каком-то замедленном сне, вскинула ладони вверх. Я захватила его голову, обнимая сзади, позволяя пальцам запутаться в жестких волосах. Запах табака и резкого парфюма окутал меня, вытесняя остатки кислорода.

На мгновение я приоткрыла глаза. Там, на втором этаже в золотистом полумраке VIP-зоны, Александра и Розамунд махали мне, салютуя бокалами с шампанским. Я видела их фальшивые улыбки и знала, что за ними скрывается всё то же холодное презрение, которое они даже не пытались прятать еще вчера. Но сегодня я сама купила их присутствие. Я просто не хотела приходить в свой первый в жизни ночной клуб одна, а они не хотели упускать возможность выпить за мой счет. Повсюду были лишь притворщики и лицемеры, и

в свой двадцать первый день рождения я наконец-то стала одной из них.

Я медленно повернулась в кольцо этих рук и подняла взгляд. Мужчина смотрел на меня с тяжелым, пьяным вождением, и его темные глаза казались мне бездонными колодцами. Несколько шотов текилы наконец-то подарили мне желанную невесомость.

Я смотрела на него и не чувствовала абсолютно ничего. Только звенящую, бесконечную пустоту. Кто он? Зачем он здесь? Мне было плевать. На него, на тех, кто махал мне сверху, и на саму себя.

Я притянула его к себе за воротник рубашки, почти касаясь его губ, и прошептала так тихо, что музыка мгновенно поглотила мой голос:

— С днем рождения, Эстер.

В этот вечер я была готова стать кем угодно, лишь бы перестать быть собой.

Мужчина опустил руки ниже, на мои бедра. Его пальцы, горячие и требовательные, дотронулись до обнаженной кожи там, где заканчивался шелк платья. Он что-то крикнул мне прямо в ухо, перекрывая рокот басов, но я не услышала — или просто не хотела слышать. Его слова, его имя, его мысли — всё это было лишним шумом в и без того переполненном пространстве. Я не хотела знать, о чем он думает, и уж тем более не хотела, чтобы он знал, что тлеет внутри меня.

Я обвела взглядом толпу. Людям вокруг тоже было всё

равно. В этом неоновом мареве ни для кого не имело значения, кто ты, через что прошла и какая мелодия звучит в твоей голове. Здесь царил негласный культ безразличия. Каждый хотел только одного: раствориться, исчезнуть, вытравить из себя остатки человеческого тепла.

Мой день рождения.

Раньше каждый год был похож на предыдущий, предсказуемый и безупречный, как партитура Баха. Празднования с отцом, чинный ужин, дорогие подарки, которые должны были заполнить тишину в доме. Новые машины, новые скрипки, чей лак блестел ярче, чем мои глаза. Виллы на Лазурном берегу, где воздух пах солью и благополучием. Всё это было осязаемым, понятным... и абсолютно мертвым.

А сейчас я стою здесь, одна среди сотни людей, и пальцы незнакомца впиваются в мою кожу. И ни разу в жизни мне не хотелось чего-то так сильно, как этой тотальной амнезии. Забыть блеск скрипичного лака. Забыть фальшивые улыбки.

Забыть его.

Лиам был моей самой красивой симфонией и моим самым сокрушительным провалом. И сегодня, под этот ломающий ритм, я просто хотела, чтобы его имя вымыло из моей памяти вместе с алкоголем и этой грязной, честной пустотой.

Я снова вскинула взгляд наверх, пытаюсь зацепиться за знакомые силуэты Александры или Розамунд, но вместо них мир подбросил мне его.

Мистер Монро.

Сердце, до этого послушно бившееся в ритме техно, захлебнулось. Лиам был там, в золотистом полумраке VIP-ложи. Как? Почему? Он стоял, нависая над Александрой, и его лицо казалось высеченным из холодного камня. Она что-то прошептала ему, указывая пальцем прямо на меня, и в следующую секунду наши взгляды столкнулись. Резко, до физической боли, словно меня ударило током. Лиам шагнул к перилам, сжимая их с такой силой, будто хотел вырвать металл с корнем.

Но я не позволила себе сломаться. Слишком поздно для спасения, Лиам. Слишком поздно для твоих нравоучений.

Я силой заставила себя оборвать этот зрительный контакт. Я просто вычеркнула его из реальности, стирая саму возможность его присутствия здесь. Мои руки сами взлетели вверх, я обхватила шею мужчины, который стоял передо мной, и рывком притянула его к себе вплотную. Так близко, чтобы я могла кожей чувствовать его чужое, лихорадочное тепло. Я вцепилась в него, продолжая покачиваться, позволяя тягучему ритму ломать мои движения. Мне было плевать, кто он, — мне просто необходим был этот живой щит между мной и взглядом человека наверху.

Его здесь нет. Это галлюцинация, рожденная текилой и моим собственным бредом. Он не мог быть здесь, потому что весь этот бесконечный день мой телефон хранил грубое молчание. Никакого «С днем рождения, милая». Только ледяной вакуум длиной в несколько недель, в котором я

задыхалась. Лиам Монро не жаждет меня — ни сегодня, ни все те дни, что он позволял мне гнить в собственном одиночестве. Для него я была лишь проектом, который он закрыл и выбросил за ненадобностью.

Мужчина, почуяв мою внезапную, агрессивную близость, прильнул к моей шее, оставляя влажные, обжигающие поцелуи. И это вызвало во мне смех. Громкий, истерический, вибрирующий где-то на грани безумия.

Смотри, Лиам. Смотри, как этот человек сгорает от желания коснуться меня, пока ты продолжаешь быть моим личным палачом.

Ноги стали ватными, словно кости превратились в мягкий воск. Голова кружилась так сильно, что потолок и пол поменялись местами. Это не я. Это не может быть та Эстер, которая жила по правилам и верила в идеальную гармонию. Это был какой-то грязный, липкий сон, от которого невозможно проснуться.

Внезапно реальность взорвалась. Кто-то с пугающей силой вклинился между нами, грубо разрывая наш тесный узел. Я отпрянула назад, едва не упав, и сквозь пелену перед глазами увидела его. Лиам вырос перед этим незнакомцем как карающая тень. Его лицо было искажено гневом, он что-то яростно выкрикивал, жестикулируя теми самыми сильными руками — руками, которые когда-то были моим единственным домом, а теперь разрушали всё, к чему прикасались.

Я схватилась за лицо, чувствуя, как мир крошится под моими пальцами. *Что со мной не так? Почему мне так больно дышать?*

Внезапно звук выключили. Музыка, крики, ядовитый неон — всё схлопнулось в одну черную точку. Стало очень тихо. Так тихо, как бывает только в эпицентре катастрофы. Я почувствовала, что больше не касаюсь пола. Я стала невесомой, хрупкой и пугающе легкой, как потерявшаяся звездочка, которая окончательно выгорела и начала свое бесконечное падение в пустоту.

#

Я силой разомкнула веки. Тьма вокруг была густой и прохладной, пахнувшей дорогим деревом и чем-то неуловимо знакомым, от чего сердце снова пустилось в рваный пляс. Я заставила себя подняться на локтях, чувствуя, как голова отзывается тяжелым колоколом. Горло нещадно першило, во рту было сухо, словно я глотала дорожную пыль.

Пока глаза медленно привыкали к сумраку, я огляделась. Не моя комната. Слишком просторная, слишком холодная в своей безупречности. За панорамными окнами во всю стену перемигивались огни Манхэттена — ядовито-желтые, электрические, чужие. Это были не мои окна, выходящие на тихие, заиндевелые деревья парка, которые я привыкла видеть по утрам. Здесь город дышал мне прямо в лицо своим безразличием.

Я медленно обернулась, и дыхание застряло в узком горле.

В углу, в глубоком кресле, сидел он. Лиам. Он подался вперед, упираясь локтями в колени и сжимая пальцы в замок. Его силуэт в полумраке казался монументальным и угрожающим. Он не двигался, просто смотрел на меня, и я кожей чувствовала тяжесть этого взгляда.

— Что я здесь делаю? — прошептала я.

Голос прозвучал жалко, надтреснуто. Я всё еще чувствовала ту свинцовую усталость, которая тянула меня на дно, и невесомость, которая едва не поглотила меня в клубе. Но здесь, в этой тишине, реальность возвращалась с каждым вдохом, принося с собой осознание: я в его власти. Снова.

— Сколько ты выпила, Эстер?

В его голосе не было ярости, которой я ждала. В нем пульсировало что-то гораздо более невыносимое — пугающее переживание, тяжелая, удушающая забота, в которой я больше не нуждалась. Она запоздала на целую вечность.

Я резко отбросила покрывало, не желая принимать это тепло, и попыталась встать. Мир качнулся, но я упрямо выпрямилась, одергивая платье, которое теперь казалось мне слишком открытым, слишком помятым. Мои ноги были босыми, и холод пола моментально прошил подошвы. Я начала обходить кровать, лихорадочно оглядывая темные углы комнаты.

— Где мои туфли? — мой голос дрожал, но я старалась придать ему жесткости.

Лиам поднялся. Одним тягучим, властным движением

он перерезал мне путь, возникнув прямо передо мной как непреодолимая стена. Я невольно обхватила себя руками — не от его близости, а от этого внезапного холода, который покрыл всю мою кожу колючими мурашками. В этой комнате Манхэттен казался ледяным, а я — слишком хрупкой в своем шелковом лоскуте вместо платья.

— Зачем ты меня сюда привез? — я подняла на него взгляд, в котором смешались хмель и яд. — Что я здесь делаю? Лиам?

Я назвала его по имени, и оно обожгло мне губы. Я ждала ответа, но больше всего на свете я боялась, что он скажет правду. Боялась, что его «переживание» снова заставит меня почувствовать себя маленькой, сломленной девочкой, в то время как я так отчаянно пыталась стать никем.

— Ты потеряла сознание в том чертовом клубе, — его голос прозвучал глухо, почти хрипло. — Ты понимаешь, что могло произойти? Если бы я не успел...

В его тоне не было привычной брони. Лиам стоял напротив, и в полумраке его фигура казалась пугающе огромной. Сейчас он не выглядел человеком, который всегда держит ситуацию под контролем. В нем была какая-то живая, тяжелая тревога, от которой мне становилось только хуже.

— Прошу тебя, присядь обратно на кровать, — он сделал шаг навстречу, сокращая дистанцию. — Сейчас глубокая ночь, Эстер. А ты вся дрожишь.

Я действительно дрожала. Январский холод, который я

впитала на улице, теперь выходил наружу мелкой, противной дрожью. Обогрев в этой огромной спальне будто не справлялся, или это я была безнадежно сломана. Я сильнее обхватила себя руками, чувствуя, как мурашки покрывают кожу под тонкими лямками платья. Я чувствовала себя абсолютно беззащитной под его взглядом.

— Я не хочу сидеть, Лиам, — прошептала я, и мой голос надломился. — Я хочу знать, зачем я здесь. Зачем ты привез меня сюда после того, как неделями заставлял меня верить, что я — пустое место?

Я посмотрела на него. Мы всегда были из разных миров. Его мир — это сухие факты и законы, мой — хаотичные звуки и вечный поиск гармонии, которую он так легко разрушил. Наша близость никогда не была «правильной», она была роковой, выжигающей всё вокруг.

— Ты привез меня сюда, потому что почувствовал вину? — я сделала шаг назад, и холодный пол обжег босые ступни. — Мне не нужна твоя запоздалая забота. Весь этот день я ждала... хоть чего-то. Просто знака, что я еще жива для тебя. А сейчас мне просто хочется исчезнуть.

Лиам молчал, и я видела, как тяжело перекатываются желваки на его скулах. В его взгляде сейчас не было ни капли той расчетливости, которая обычно была его щитом. Только неприкрытая, тяжелая печаль.

— Я совершил ошибку, Эстер, — наконец произнес он, и его голос прозвучал совсем тихо, теряя свою стальную силу.

— Огромную ошибку. Я не должен был тогда уходить. Не должен был оставлять тебя одну.

Это признание, лишенное его привычной стальной уверенности, ударило меня сильнее любого крика. В этом не было торжества моей правоты — только пугающая, почти осязаемая человеческая горечь. Ноги окончательно перестали держать; я просто осела назад, падая на край кровати, чувствуя, как реальность окончательно выскользывает из пальцев.

Лиам тут же оказался рядом. В нем не было порыва обнять меня или присвоить себе мою слабость — он слишком хорошо понимал, что сейчас я не вынесу лишних прикосновений. Он просто подхватил упавшее покрывало и набросил мне на плечи, укрывая плотным слоем тяжелой ткани.

— Я принесу воды, — тихо бросил он.

Я подтянула ноги к груди, прячась под одеялом. В этой огромной спальне я пыталась найти хоть какой-то центр тяжести, пока всё вокруг продолжало крениться. Через минуту я услышала его шаги — тяжелые, лишенные его обычной уверенной легкости. Лиам вошел и щелкнул лампой на тумбочке. Мягкий свет разлился по комнате, превращая наши силуэты в нечто изломанное и чужое.

Он протянул мне стакан. Я взяла его, чувствуя холод стекла, пробирающийся к самым костям. Лиам сел на край кровати, матрас прогнулся под его весом. Он не отводил от меня глаз — в этом взгляде была такая густая, концентрированная

печаль, что мне стало физически трудно дышать. Он тяжело выдохнул и медленно, почти нерешительно, протянул руку. Его пальцы едва коснулись рваных кончиков волос у самой шеи. Тех самых прядей, что теперь заменяли мою прежнюю гордость.

— Твои волосы... — Его голос был едва слышным, надтреснутым. — Что случилось, Эстер?

Я коснулась неровного среза и тут же опустила взгляд в стакан. Внутри всё сжалось от дикого, яростного желания выплеснуть на него всю правду. Мне хотелось закричать, что это он «случился». Что его уход стал тем самым звуком, на котором лопается струна. Я помнила ту ночь в пустой квартире, когда я часами смотрела в зеркало на «идеальную Эстер», которую он так тщательно оберегал под своим куполом. Мне стало невыносимо страшно от собственной безупречности в мире, где меня только что стерли.

Тогда я просто взяла ножницы. Я срезала эти золотые локоны один за другим, чувствуя не боль, а пугающую, холодную агонию. Они больше не имели смысла. Я уничтожала в себе ту, которую он знал, чтобы эта часть меня больше не могла чувствовать боль.

Но вместо этого я молчала. Между нами было слишком много невысказанного, чтобы подбирать правильные слова, и эта тишина была тяжелее любого признания. Я смотрела, как в стакане дрожит вода, и чувствовала, как его рука всё еще замерла в миллиметре от моей кожи, словно он боял-

ся, что от его прикосновения я окончательно рассыплюсь в пыль.

Лиам не отводил взгляда от моих коротких, неровных прядей. В его глазах застыло то самое выражение, которое бывает у человека, вернувшегося в родной дом и нашедшего на его месте пепелище. Наконец он заговорил — медленно, и каждое слово ложилось на мои плечи тяжелым грузом.

— Я ведь действительно верил, что поступаю правильно, Эстер. В какой-то момент я убедил себя, что мой уход — это лучшее, что я могу для тебя сделать.

Он сделал глубокий, рваный вдох, и я увидела, как под тонкой тканью свитера напряглись его плечи. Матрас прогнулся, когда он подался ко мне еще на дюйм.

— Моя жизнь всегда была выверенной, предсказуемой и... застывшей в своей мертвой правильности. А потом появилась ты — самое живое, самое настоящее и совершенное, что я когда-либо встречал. И я просто испугался, — его голос на мгновение сорвался, становясь тише. — Испугался, что не имею права занимать собой всё твоё пространство. Мне казалось, что я стану для тебя якорем, который со временем утянет твой талант и твою искренность на самое дно. Я считал, что буду последним эгоистом, если заберу тебя себе навсегда, запрю в своем мире и лишу того будущего, которое ты должна была прожить свободно.

Я подняла на него глаза. В полумраке спальни его лицо казалось застывшей маской сдержанности, но взгляд... во

взгляде была неприкрытая, болезненная мольба. Лиам выстроил эту логическую крепость, чтобы спасти меня от самого себя, не понимая, что тем самым просто выбил у нас обоих почву из-под ног.

— Я и сейчас думаю так же, Эстер. Я всё еще сомневаюсь, что стою хотя бы одной твоей слезы, — его ладонь наконец решилась и легла на мою щеку. Тепло его кожи обожгло меня, заставляя сердце болезненно сжаться. — Но видеть, как ты гаснешь, как ты теряешь себя из-за моего решения... это оказалось выше моих сил. Я больше не могу прикрываться благородными мотивами, когда сам задыхаюсь. Я спрятался в том чертовом доме в Огайо, надеясь, что изоляция станет исцелением. Но каждый гребаный день я искал твой голос в случайных звуках, твой силуэт в каждом движении теней. Я пытался убедить себя, что справляюсь, что это лучший выход для нас обоих, но всё это было лишь жалкой ложью.

Его большой палец медленно, почти благоговейно очертил мою скулу, задерживаясь у самых губ. В этом жесте мужчины, который привык быть хозяином любой ситуации, сейчас не осталось ни капли власти. Только безоговорочное, фатальное поражение.

— Ты нужна мне. Я скучаю по тебе так сильно, что это давно перестало быть просто тоской — это физическая боль, от которой нет лекарства. Я просто хочу, чтобы ты снова начала дышать, Эстер. Чтобы мы оба снова начали.

Я смотрела на него сквозь пелену слез, и весь мир за пре-

делами этой комнаты — холодный Манхэттен, шум улиц, мое прошлое — перестал существовать. Остался только Лيام, его обжигающая ладонь на моей щеке и правда, которую он наконец осмелился произнести вслух. В этой тишине, пропитанной ароматом его парфюма и моей агонией, я понимала: его признание — это самая разрушительная и прекрасная музыка, которую мне когда-либо доводилось слышать.

Его взгляд, тяжелый и темный, не отпускал меня ни на секунду.

— Я хочу всё исправить, Эстер, — прошептал он, и я почувствовала, как вздрогнули его пальцы, касаясь моей кожи. — Прошу тебя... прости меня.

Внутри меня что-то окончательно надломилось. Гордость, обида, всё то, за что я так отчаянно цеплялась последние недели, рассыпалось в прах. И как бы мне ни было страшно снова оказаться на пепелище, я знала, что уже сделала свой выбор.

Глава 3.

Лиам

Music on: James Blake — «Just A Little Higher»

Она продолжала содрогаться в мелком, лихорадочном ознобе, храня полное молчание в ответ на мою сбивчивую, отчаянную исповедь. В этой вязкой духоте спальни я впервые в жизни познал истинный первобытный страх — не тот рациональный трепет перед проигрышем дела или потерей влияния, который можно усмирить логикой, а леденящий, парализующий ужас перед её внезапной внутренней немотой. Я до боли всматривался в её лицо, пытаюсь отыскать в нём хотя бы искру прежнего гнева, хотя бы тень той жизни, которую я так бездумно оставил, но видел лишь выжженное поле.

Я никогда прежде не видел её с такой яркой, хищной помадой — этот алый цвет, который она выбрала сегодня, казался мне безмолвным криком о помощи, замаскированным под дерзкий вызов. Сейчас он был небрежно смазан, оставляя на бледной, почти фарфоровой коже следы её лихорадочного вечера, а глаза, в которых я привык видеть теплый, живой янтарь, поблекли, подернувшись пеплом пережитой агонии.

Внутри меня всё еще клокотала ярость, смешанная с глухой, осязаемой тошнотой, стоило мне вспомнить того подонка, который смел касаться её на грязном танцполе. Это место было пропитано дешевым пороком и запахом чужого пота, оно было слишком низким, слишком ядовитым для моей Эстер. В тот момент, когда я метался по клубу, задыхаясь от неоновых марева и показывая каждому встречному секьюрити её фото на телефоне, я чувствовал, как реальность крошится под моими ногами. Когда один из охранников наконец кивнул в сторону VIP-ложи, указывая на её так называемых подруг, я понял, в какую ловушку она попала.

Я видел этих девиц насквозь: их взгляды, полные приторной насмешки и ядовитого торжества, выдавали их с головой. Они сидели там, наверху, словно зрители в амфитеатре, с холодным любопытством наблюдая за тем, как Эстер тонет в этой грязи. Они были уверены, что если я увижу её такой — потерянной, сломленной, в объятиях того ничтожества — я возненавижу её. Что я брезгливо отвернусь и выберу одну из них, более понятную, предсказуемую и пустую. Глупые, тщеславные создания. Они не понимали, что ничто в этом мире не способно оттолкнуть меня от моей мисс Голдман.

Даже сейчас, когда она казалась болезненно истощенной, почти прозрачной под этим безжалостным светом лампы, она оставалась единственной точкой, в которой сходилась мой горизонт. Я смотрел на её волосы и чувствовал, как в груди медленно поворачивается ржавый нож. Её роскош-

ные золотистые локоны исчезли. Вместо них остались лишь неровные, рваные пряди, обрубленные так хаотично и грубо, что не оставалось сомнений: это не была рука мастера в дорогом салоне. Она сделала это сама, в порыве какого-то дикого, ослепляющего отчаяния, вонзая лезвия в собственную красоту, чтобы вытравить из себя саму возможность чувствовать. Этот неровный срез был живым свидетельством того, в какую пропасть она шагнула из-за моего ухода, и осознание этого лишало меня воздуха.

Я осторожно взял её за руку, поражаясь тому, какая она ледяная, почти безжизненная, и Эстер наконец подняла на меня взгляд. В этом жесте не было борьбы, только бесконечная, иссушающая усталость, которая бывает после долгой и проигранной битвы.

— Я замерзла... очень замерзла, Лиам. Мне так холодно.

Её голос прозвучал как надломленный стебель под порывом ледяного ветра. Она медленно опустилась на подушку, не выпуская моей ладони, и это безмолвное движение, полное какой-то обреченной покорности, увлекло меня за собой с силой, которой невозможно было противостоять. Я скинул ботинки, чувствуя себя неуклюжим и непростительно живым в этой хрупкой атмосфере её боли, и лег рядом, мгновенно укутывая её в тяжелый плед. Я пытался создать для неё кокон из тепла, защитить её мягкой шерстью от моих же собственных ошибок и того холода, который пробрался ей под самую кожу.

Когда я притянул её к себе, Эстер закрыла глаза и подалась вперед, приближая свое лицо к моему так близко, что наши дыхания смешались в единый, неровный ритм.

— Согрей меня, — прошептала она в самые мои губы.

Её нос коснулся моего, и я почувствовал этот едва уловимый аромат её кожи, теперь смешанный с запахом горечи и чужого, фальшивого вечера. Я сильнее сжал её в объятиях, пытаюсь буквально вплавить её в себя, отдать всё свое тепло до последней капли, лишь бы только унять эту дрожь. В этот момент, когда её губы замерли в миллиметре от моих, я понимал, что готов замереть так на целую вечность. Она была здесь. В моих руках. И я скорее выжгу этот город дотла, чем позволю ей снова исчезнуть в этой темноте.

Это была не просто близость. Это было возвращение домой через пепелище, которое я сам же и устроил.

Эстер медленно высвободила руку из-под тяжелой ткани пледа. Я почувствовал прохладу её пальцев сначала на своей шее, а затем — на жесткой щетине. Её прикосновения были невесомыми, почти робкими, но в них было столько невысказанной, накопленной тоски, что я непроизвольно закрыл глаза, отдаваясь этому ощущению. Когда она легонько надавила мне на плечо, заставляя лечь на спину, я подчинился без единого слова, замороженный её инициативой. Она взобралась на меня, прижимаясь всем телом, и ткнулась лицом в мою шею, жадно вдыхая запах моей кожи, будто пыталась заново присвоить его себе.

Я обнял её так крепко, как только мог, прямо поверх плеча, чувствуя, как её сердце бьется в унисон с моим — быстро, рвано, отчаянно.

— Ты мне нужен... сейчас, — прошептал её голос, обжигая мне кожу.

В ту же секунду я почувствовал влажный поцелуй у самого основания шеи. Я судорожно вдохнул, чувствуя, как внутри всё натягивается до предела. Она всё еще хотела меня. После того, как я оставил её одну в этой ледяной пустоте, она всё еще чувствовала этот огонь, который я считал навсегда погасшим.

Я запустил пальцы в её рваные волосы, осторожно поворачивая её голову к себе, и накрыл её губы своими. Это был нежный, медленный поцелуй, в котором я пытался передать всё то, что не смог облечь в слова. Я ощущал их мягкость, их податливость, но Эстер не собиралась медлить. Когда её губы разомкнулись и она провела языком по моим, из моей груди вырвался глухой, произвольный стон.

Моя рука инстинктивно опустилась на её бедра, и наш поцелуй мгновенно превратился в неистовую, смелую схватку. Мы целовались со страстью людей, которые чудом спаслись и не могут поверить в собственную удачу. Я чувствовал её жар, она прижималась ко мне всё сильнее, и я ощущал, как мой член, уже напряженный и готовый, упирается в неё через ткань одежды. Эстер начала тереться об меня, и этот ритм выжигал остатки моего самообладания.

Одним движением я перевернул её на спину и навис сверху, забираясь под плед. Мои ладони сжали её талию и опустились ниже; платье задралось так высоко, что я чувствовал под пальцами всю её обнажённую кожу — уже теплую, живую. Она начала стягивать с меня свитер, её пальцы обжигали мой пресс, и я приподнялся, помогая ей, срывая с себя одежду. Затем, тяжело дыша, она расстегнула молнию, и я помог ей снять платье через голову.

В голове на мгновение вспыхнула ядовитая мысль: если бы я не успел? Если бы эти чертовы пилоты в аэропорту не согласились взлететь в этот бесконечный, ослепляющий снегопад за тройную цену? Возможно, сейчас её раздевал бы тот подонок, с которым она танцевала. Во мне проснулась дикая, первобытная ревность, от которой кровь закипала в жилах. Она была моей. Только моей. Каждая клетка её тела принадлежала мне по праву этого безумия.

Эстер стянула с себя белье и потянулась к моему ремню. Я быстро расправился с остатками одежды и захватил её грудь в поцелуй, лаская и засасывая нежную кожу, пока она извивалась подо мной. Она была такой горячей, такой невыносимо настоящей. Её ноги раскрылись, ища большего контакта, ища меня внутри себя.

— Лиам, пожалуйста... коснись меня, — выдохнула она, выгибаясь навстречу.

Я сам уже не мог больше этого терпеть. Я лег на бок, притягивая её к себе вплотную, покрывая её лицо быстрыми,

собственническими поцелуями, словно клеймя её, оставляя на ней свои метки. Я приподнял её ногу и подставил головку к её жару; она была уже совсем мокрой, изнывающей. Я медленно размазывал свой член по всей её сокровенной глубине, дразня и её, и себя, ощущая каждый её трепет, а затем одним мощным, уверенным толчком вошел в неё.

Мы соединились воедино, и этот момент был настолько пронзительным, что мы оба одновременно застонали друг другу в губы. Я не прекращал целовать её, пока начинал двигаться внутри неё, вкладывая в каждое движение всю ту жажду и вину, что копились во мне долгие недели. Это было наше общее искупление, скрепленное стонами и жаром тел в полумраке этой комнаты.

Я продолжал вбиваться в неё, чувствуя, как она неистово сжимает меня внутри, пульсируя и обволакивая своим нестерпимым жаром. Мы задохались от этой запредельной близости; наши тела были сплетены так тесно, что я ощущал каждый удар её сердца против своего. Её бедро, закинутае на мой бок, позволяло мне проникать в неё до самого предела, ощущая каждое содрогание её существа. Я до боли сжал её ягодицы, притягивая к себе, вжимаясь всем своим существом в её живот и грудь, стремясь заполнить её собой без остатка.

Эстер закинула голову, зажмурившись до белых пятен перед глазами, и начала стонать — громко, надрывно, выплескивая моё имя прямо мне в губы, словно в этом звуке была

вся её боль и всё прощение. Её ногти впились в мои плечи, оставляя на коже глубокие борозды, но эта острая вспышка лишь подстегивала мой ритм, делая его жестче, неистовее, злее. Я смотрел на её лицо в тусклом свете лампы, на эти смазанные следы алой помады и разметавшиеся по подушке рваные пряди, и во мне закипало что-то первобытное, триумфальное.

Боже, что она со мной делала... Она опьяняла меня сильнее любого самого дорогого виски, заставляя забыть о годах, о статусе, о той ледяной броне, которую я так тщательно выстраивал десятилетиями. В эти секунды я чувствовал себя на самой вершине мира, коронованным её хриплыми стонами и этой невыносимой, греховной близостью. Моя. Моя и только моя — и это было единственной истиной в этой вселенной, которая имела значение.

Темп стал сумасшедшим. Воздуха в легких не хватало, спальня поплыла перед глазами, превращаясь в марево из её запаха и наших разгоряченных тел. Я чувствовал, как она достигает пика, как её тело под моим натиском выгибается тугой струной, вжимаясь в меня в последнем, отчаянном порыве, и это стало финальной точкой моего самообладания. Я сделал последний, сокрушительный рывок, входя в неё так глубоко, как только это было физически возможно, и сам кончил, изливаясь в неё мощным, обжигающим потоком.

В этот момент мир просто перестал существовать. Ноги мгновенно стали ватными, зрение затуманилось, а в ушах

стоял лишь гул собственного пульса, бьющегося в висках тяжелым колоколом. Я так и остался лежать в кольце её рук, не разрывая нашей связи, всё еще содрогаясь от остаточных, затихающих толчков наслаждения. Мы тяжело, хрипло дышали друг другу в губы, пытаюсь вернуться в реальность из того космоса, куда только что улетели.

Я медленно, почти неохотно вышел из нее, чувствуя, как каждая секунда разрыва этой физической связи отзывается во мне тупой, фантомной болью. Тело стало тяжелым, наполненным густой, свинцовой негой, но разум уже начал возвращаться в эту комнату. Я осторожно потянул за край упавшего пледа, накрывая её покрасневшее, вздрагивающее тело, возвращая ей то самое тепло, о котором она просила.

Эстер лежала неподвижно, с плотно закрытыми глазами, и я видел, как тяжело, с каким свистом воздух проходит через её ноздри — она всё еще пыталась усмирить рваный ритм своего сердца. Мои пальцы, всё еще хранящие её запах, коснулись её лица. Я бережно заправил влажные, рваные пряди волос за ухо, открывая её лоб, и замер.

В неверном свете ночника я увидел, как из-под её ресниц медленно выкатилась одинокая слеза. Она прочертила тонкую влажную дорожку по бледной коже, и этот вид ударил меня под дых сильнее, чем любое обвинение. Это была не слеза облегчения — в ней было слишком много накопленного отчаяния, которое наконец нашло выход. Я быстро, почти испуганно стер её большим пальцем, а затем припал губами

к тому месту, где она только что была, переходя к её губам — теперь припухшим, искусанным, настоящим.

— Я больше никуда не уйду, Эстер, — прошептал я ей прямо в рот, делясь своим дыханием. — Слышишь? Я твой. Навсегда. До самого конца. И ты... ты моя. И ничья больше.

Эти слова были моей клятвой, моим окончательным капитулированием перед этой женщиной. Я больше не был адвокатом, не был холодным стратегом; я был мужчиной, который наконец-то признал свою одержимость.

Я дождался, пока её веки едва заметно дрогнут в знак того, что она услышала. Затем я дотянулся до выключателя, и комната мгновенно погрузилась в мягкий, бархатистый сумрак, в котором звуки стали острее. Я снова привлек её к себе, устраивая её голову у себя на плече и укрывая нас обоих общим одеялом. Мы лежали в темноте, и я заставил себя выровнять дыхание, подстраиваясь под её вдох и выдох, создавая для нас один общий ритм.

Через несколько минут я почувствовал, как её тело обмякло, теряя последнее напряжение, а дыхание стало глубоким и ровным. Она уснула. Только тогда я позволил себе расслабить челюсти и прикрыл глаза. В этой тишине, защищенный стенами моей спальни и её присутствием, я почувствовал, как тьма наконец перестает быть враждебной. С этой мыслью я последовал за ней в забвение сна, зная, что когда наступит утро, она всё еще будет здесь.

Я проснулся от резкого, почти физического ощущения пустоты. Протянул руку к той стороне кровати, где еще несколько часов назад кожа Эстер горела под моими пальцами, но ладонь накрыла лишь остывшую простыню. Холод мгновенно прошиб спину. Я вскочил, и сердце забилося где-то в горле — в голове вспыхнула дикая мысль, что всё это было лишь галлюцинацией моего изголодавшегося сознания.

Но она была здесь. За панорамными окнами застыл январский Нью-Йорк, безмолвный и серый. В квартире стояла та вязкая, вакуумная тишина, в которой каждый шорох одежды звучит как приговор. Эстер сидела на самом краю кровати, спиной ко мне. Я видел острое напряжение в её лопатках; её пальцы лихорадочно сражались с молнией черного платья. Она делала это с какой-то пугающей, механической поспешностью, словно само пространство этой комнаты стало для неё токсичным.

— Куда ты, Эстер? — я наконец обрел голос, но он прозвучал чужим и ломким. — Что происходит?

Я подался вперед, пытаясь коснуться её плеча, но она вздрогнула, уклоняясь от моих пальцев так, будто я был носителем инфекции. Она замерла, опустив голову, и я видел, как тяжело вздымается её грудь. Пауза затягивалась, превращаясь в пропасть. Наконец, когда молния поддалась, она не пошевелилась, всё еще не поворачиваясь ко мне.

— Как ты меня нашел вчера, Лиам? — её вопрос был тихим, лишенным интонаций, и от этого он резал лучше скаль-

пеля.

Я молчал. Ложь была бы бесполезна, истина — губительна. Эта тишина между нами стала осязаемой, удушающей. Когда она поняла, что я не отвечу, она продолжила, и в её голосе прорезался ледяной холод:

— Я никому не говорила, куда пойду. Мой круг общения за эти месяцы сузился до тех, кого ты принципиально не замечаешь. Я не веду никаких соцсетей, Лиам. Так откуда ты узнал, где я нахожусь?

— И еще... — она наконец встала и рывком развернулась ко мне. Её лицо было мертвенно-бледным, а взгляд — пугающе ясным. — Твое внезапное возвращение в мою жизнь... оно ведь имеет внешнего архитектора, верно? Чистая случайность, что вчера, после моей ссоры с отцом, ты материализовался рядом именно в тот момент, когда он окончательно разочаровался в моей «послушности».

Она сделала шаг вперед, и я увидел, как дрожат её пальцы. Это была не слабость, а предельное напряжение сорванной струны.

— Он позвонил тебе? Папочка решил, что его уязвленное самолюбие важнее, чем неприязнь к тебе, и выдал тебе карт-бланш? Это так? Ответь мне. Потому что вся твоя вчерашняя жертвенность и рассказы о «верном решении» для моего блага... Теперь это всё выглядит как хорошо отрепетированный сценарий. Ты просто ждал его сигнала? Ждал, когда он даст тебе «зеленый свет» на владение мной?

Я смотрел на неё, и внутри всё стягивалось в тугую узел. Я не мог сказать ей правду. Не мог признаться, что Абрам потребовал, чтобы я вернулся и стал для неё чудовищем, лишь бы она перестала ненавидеть его. Он хотел купить прощение дочери ценой моей головы, а я... я просто хотел её спасти.

— Я говорил с твоим отцом вчера, — я встал, игнорируя холод. В этой сцене не было места стыду или скромности, только голые факты. — Но этот звонок не был приказом.

Она не дала мне закончить. На её губах мелькнула тень горькой улыбки.

— Я не вещь, Лиам, которую можно передать по акту приема-передачи, когда двое мужчин наконец договорились о цене. Ты ушел, повинувшись его воле, и теперь возвращаешься, наконец договорившись с ним. Если ты здесь только потому, что мой отец сменил гнев на милость и «разрешил» тебе снова присутствовать в моей жизни — это не любовь. Это инвентаризация имущества. И это унижительно.

— Это было мое решение, — я перехватил её взгляд, пытаясь пробить эту стену ледяного отчуждения. — Он не может ничего мне запретить. Я вернулся, потому что больше не мог быть вдали от тебя.

— Ты лжешь, — просто сказала она.

В её глазах не было слез, только бескрайнее, выжженное поле презрения. Эстер направилась к выходу, её походка была быстрой, ломкой. Я сорвался за ней, на ходу влезая в брюки, чувствуя, как внутри всё рассыпается в труху. В гости-

ной на диване лежали её вещи — я еще вчера, когда нес её без сознания на руках мимо вспышек камер и ошарашенного шепота толпы, бросил короткий кивок начальнику охраны, и тот молча забрал её пальто и клатч из ложи. Я вынес её из того клуба на руках, не заботясь о приличиях, и сейчас эта вчерашняя победа казалась моим самым сокрушительным поражением.

— Эстер, подожди! — я преградил ей путь у самой двери.

— Ты так и не ответил, — она накинула пальто на плечи, глядя мне прямо в переносицу. — Как ты меня нашел? Без метафор, Лиам. Без твоей излюбленной словесной эквилибристики. Просто факты.

Я сглотнул. Воздух в прихожей казался разреженным, как на вершине горы.

— Приложение, — выдохнул я. — Мой хакер установил его в твой телефон в тот самый день, когда я ушел. Я не мог позволить себе не знать, где ты. Это незаконно, Эстер. Я отслеживал каждое твое движение все эти дни. Я видел твой сигнал на карте вчера с той секунды, как мой самолет коснулся полосы. Я знал, где ты, с точностью до метра.

Наступила мертвая тишина. Я видел, как расширились её зрачки. Это не был страх. Это было финальное, окончательное осознание того, что всё наше «возрождение» было построено на тотальном контроле. Вся интимность ночи, каждое слово нежности — всё было отравлено этим невидимым ошейником.

— Ненавижу, — прошептала она.

В этом слове было столько подлинного, дистиллированного отвращения, что я невольно отступил. Она рывком открыла дверь и хлопнула ею так, что звук удара эхом прошелся по моему позвоночнику.

Я остался стоять один в пустой прихожей. Абрам победил. Он хотел, чтобы она возненавидела меня — и я исполнил его волю, даже когда пытался её нарушить. Я нашел её, я вырвал её из толпы, но в этой погоне за контролем я совершил роковую ошибку. Я не мог доказать ей, что вернулся вопреки воле её отца, а не по его указу. Теперь для неё я был лишь псом на поводке у Абрама, который просто вовремя получил команду «фас». Эхо её шагов затихло, оставив меня в идеальном аду собственного производства. Все кончено.

Глава 4.

Эстер

Music on: ROSALÍA, Björk & Yves Tumor — «Berghain»

Нью-Йорк в семь утра похож на вскрытый анатомический театр: серый, колючий и беспощадно трезвый. Я сидела на заднем сиденье такси, прижавшись лбом к ледяному стеклу, и ловила в зеркале заднего вида оценивающие взгляды водителя. В его глазах я читала свой приговор: растрепанная девчонка в преступно коротком, вызывающем платье под расстегнутым пальто, возвращающаяся домой в рассветных сумерках. Он наверняка принял меня за ту, что оставляет клиента после ночной смены.

Я никогда в жизни не чувствовала себя такой жалкой. Такой пустой. Такой... дешевой.

Зачем я поперлась в этот клуб? Если бы не отец со своей душающей заботой. Вчера он явился ко мне, проигнорировав мое четкое «нет» по телефону, и я сорвалась. Я кричала на него так, что стены моей квартиры, казалось, вибрировали от моего отчаяния. Я выплеснула на него всё: всю боль, всю ненависть к его контролю, всё презрение к его методам. И Абрам Голдман, великий архитектор чужих судеб, просто сделал выводы. Он не пытался меня обнять или утешить. Он

просто решил, что вернуть мне мою «игрушку» в лице Монро будет гораздо проще и эффективнее, чем продолжать этот изнурительный спор.

Его не волновало мое состояние. Его не волновало, что мое сердце выжжено дотла. Его беспокоило только одно: я не играю. Я — его самый дорогой проект, его гордость, и этот проект перестал приносить дивиденды в виде аплодисментов и признания.

Но как я могла играть? Как я могла брать в руки скрипку, когда в коридорах академии «The Heights» за моей спиной шелестели ядовитые шепотки? Для всех них я была лишь дочкой Голдмана, чья «одаренность» спонсируется щедрыми пожертвованиями в фонд заведения. В каждом взгляде сокурсников я видела осуждение. И никакие заверения маэстро Клеменса Латца не могли пробудить во мне желание коснуться струн. Смычок казался мне орудием пытки.

Я бросила таксисту купюру, вдвое превышающую сумму на счетчике, и вышла на обжигающий январский воздух.

Эльдорадо встретило меня привычной роскошью, которая сейчас казалась декорацией к дешевой драме. Майкл, дежурный швейцар, кивнул мне с немим вопросом в глазах, заметив мой вид, но я не смогла вымолвить ни слова. Поднявшись к себе, я заперла дверь на все замки. Металлический щелчок прозвучал как точка в конце предложения.

В прихожей царил хаос: брошенная одежда и стопки нотных листов покрывали паркет, словно опавшая осенняя

листва — только вместо красоты они вызывали лишь тошноту. Я скинула туфли и пальто прямо на этот бумажный мусор и прошла на кухню. Злость внутри не утихала — она мутировала, превращаясь в нечто темное, тяжелое, растущее в геометрической прогрессии.

Я жадно выпила стакан воды. Горло першило, тело ломило так, словно меня пропустили через центрифугу. Мне нужен душ. Настолько горячий, чтобы он выжег с моей кожи саму память о его прикосновениях.

В ванной я замерла перед зеркалом и ужаснулась. Тушь потекла, превратив мое лицо в маску из хоррора. Волосы... неровные, обрубленные пряди висели жалким, нелепым срезом. Теперь я понимала, почему Александра вчера так открыто насмехалась надо мной, даже не пытаясь скрыть пренебрежения. Я выглядела как жертва крушения. Собственного крушения.

Я зашла в душ, выкрутив кран до предела. Кипяток обжигал плечи, но я едва это чувствовала. Терла кожу мочалкой до пунцовых пятен, пытаюсь смыть каждое прикосновение Лиама прошлой ночью — память о них отзывалась во мне яростным, болезненным спазмом. «Согрей меня», — просила я его. Какая же я идиотка. Сама впустила врага в свою крепость, позволила ему снова завладеть моим телом, пока он в уме сверял часы с графиком, одобренным моим отцом.

Из ванной я вышла под аккомпанемент настойчивой вибрации. Телефон надрывался на кухонном столе, где я броси-

ла клатч. Десятки пропущенных от Лиама. Несколько — от отца. Экран снова вспыхнул, высвечивая одно имя. Лиам.

Я отключила вызов и швырнула телефон на стол, глядя на свои дрожащие руки. Что им всем от меня нужно? Отец, чья «забота» — лишь способ уберечь его идеальный фасад от моих скандалов, и Монро, который то решает, что мне без него лучше, то вдруг вспоминает, как отчаянно я ему нужна. Он держал меня за наивную дуру. Был уверен, что я проглочу его «осознание ошибки» и поверю в искренность этого внезапного возвращения.

— Пошел ты, Монро, — прохрипела я.

Тут же пришло уведомление. Я хотела швырнуть телефон в стену, но какая-то мазохистская потребность узнать, какую еще партию он разыграет в своей истории про «личный» выбор, заставила меня открыть сообщение.

Лиам: «Эстер, я вынужден срочно вылететь в Огайо. Прошу тебя, дождись меня, не делай никаких глупостей. Я вернусь, и мы во всем разберемся».

«Не делай глупостей». «Дождись меня».

Внутри, где едва догорали остатки ночного жара, всё мгновенно заледенело. Я смотрела на экран, и в груди закипала холодная ярость. Он действительно решил, что я — лишь статист в его выверенной жизни? Что мой уход был кокетливым призывом к погоне, а не попыткой вырваться на поверхность, пока он — пусть и не со зла — тянул меня на дно?

Он судил обо мне с высоты своего безупречного нарциссизма. Для Лиамы Монро я оставалась послушной куклой, которую можно просто оставить в квартире. В этой квартире, ставшей для меня чужой, где каждый угол до сих пор напоминал о нём. А сам он в это время мог вершить судьбы в Огайо, летать к своей бывшей или задыхаться в эйфории очередного судебного процесса. Он был уверен, что его снисходительное «мы разберемся» подействует на меня как седативное, способное утихомирить мой гнев и вернуть меня в ту оцепенелую покорность, к которой он привык.

— Не дожدهшься... — мой голос, измученный ночными стонами и утренним холодом, прозвучал как сухой хруст надломленной канифоли.

Ярость, холодная и острая, как скальпель, окончательно вытеснила боль. Я больше не та девочка, чья жизнь была лишь набором чужих условий и ожиданий. Теперь во мне не осталось места ни для старых привязанностей, ни для тех пустых надежд, которыми он накормил меня в постели.

Разбить телефон было не вариантом — это стало бы сигналом тревоги, который тут же привлек бы его внимание. Напротив, мне нужно было дать ему эту толику спокойствия, выиграть себе дневную, а может, и большую фору. Я просто положила телефон на кухонный стол среди бумаг. Пусть он лежит там, транслируя ему мою «неподвижность» и создавая иллюзию, что я всё ещё заперта в клетке собственного горя.

Музыка закончилась. Дирижер остался в пустом зале, а я

уходила за кулисы, где не было ни его власти, ни его лживого тепла. Лиам жаждал доминировать? Что ж, я дам ему это, превратив его собственное оружие в дымовую завесу. Пока он будет вглядываться в экран за сотни миль отсюда, его «совершенное» приложение будет транслировать одну и ту же мертвую, оглушительно тихую точку. Пусть он упивается этой иллюзией обладания, пока я буду выжигать мили между нами.

Эстер Голдман, которую они так старательно полировали, останется здесь — среди ненавистных шелков и удушливого аромата белого мускуса.

Я рванула из шкафа чемодан — скрежет молнии стал первым аккордом моего восстания. Руки двигались сами по себе, отсекая лишнее. В сумку летели грубый трикотаж и поношенный деним: броня, в которой легко раствориться в толпе. Никаких Valentino, обжигающих память, никаких корсетов и кружев. Я сгребала тяжелые свитера и ботинки на грубой подошве, выстраивая баррикаду между собой и той, которой меня заставили быть. Ноутбук и украшения я оставила: каждый бриллиант казался кандалами, по которым меня могли вычислить.

Натянув колючий свитер и объемную куртку, я скрыла под капюшоном обрубки волос — напоминание о моем крахе. В зеркале больше не было прежней Эстер. Там затаилась тень. Безымянная, без прошлого, готовая окончательно стереть себя с их радаров.

У порога я замерла. В центре гостиной, в луче холодного утреннего света, стоял футляр с Гвиданини. Отец уже предусмотрительно упрятал Страдивари в банковский сейф — к золоту и чужим секретам, где искусству самое место в его мире. Гвиданини же осталась. Я оставила её там, как выпотрошенную оболочку, как немой упрек тому, кто первым рискнет войти в мой покинутый склеп. С музыкой, которая была лишь продолжением папиных амбиций, было покончено. С этой жизнью — тоже.

Я лихорадочно выгребла скудную наличность из ящиков, понимая: без денег мой бунт захлебнется на первом же грязном перекрестке. Мне нужна была свобода, а свобода в этой огромной, прошитой дорогами стране стоила дорого. Чтобы не сорваться, чтобы не приползти обратно под ядовитое, но теплое крыло отца при первых же заморозках, мне нужен был осязаемый ресурс. Я знала, как быстро тают идеалы, когда тебе нечем платить за ночлег в придорожном мотеле.

Круглосуточное отделение банка встретило меня холодным неонам. Пальцы, привыкшие к тонким струнам, мелко дрожали, выбивая ПИН-код на кнопках банкомата. Максимальный лимит. Пачка купюр легла во внутренний карман куртки, как тяжелый свинец, давая мне призрачный шанс продержаться первое время. — Прости, папочка, — выдохнула я в пустоту, и в этом шепоте не было раскаяния. — Я верну всё до последнего цента, как только научусь выживать сама.

Метро встретило меня амбре сырости и горелого кофе. Спускаясь на станцию 81st Street, я кожей чувствовала, как давит на меня этот город, как сужается пространство между кафельными стенами. Мне нужен был Penn Station. Забившись в угол вагона, я вжимала лицо в воротник, превращаясь в призрака.

Вокзал на 34-й улице гудел, как потревоженное гнездо ос. Огромное табло прибытий пульсировало сотнями имен, манящих в никуда. Огайо? Нет, Лиам, я не стану играть по твоим правилам и ждать там, где ты расставил свои капканы. Я больше никогда не буду ждать.

Я подошла к кассе, намеренно опуская голову ниже, прячась от безучастных глаз объективов.

— Один билет на ближайший рейс.

— Куда именно, мисс? — безлико переспросил кассир, даже не поднимая взгляда от монитора.

— На север. Как можно дальше отсюда.

— Удостоверение личности, мисс.

Голос кассира прозвучал обыденно, но для меня он стал приговором. Я застыла, чувствуя, как кровь отливает от щек.

Боже, какая же я идиотка.

О чем я думала? Я так отчаянно рвалась на волю, что забыла элементарные правила этого мира. Я годами жила в выхолощенном благополучии, за высокими заборами и тонированными стеклами лимузинов, где реальность всегда оставалась где-то снаружи, за спинами охранников. Теперь эта ре-

альность выставила мне счет, который я не могла оплатить.

Если я сейчас достану паспорт — эту проклятую книжицу с фамилией Голдман — я сама надену на себя поводок. Стоит моим данным попасть в базу, и в офисе отца вспыхнет тревожная кнопка. Лиам со своими друзьями-ищейками, для которых отследить человека — лишь вопрос пары кликов, вычислит мой вагон еще до того, как состав наберет скорость. А отец? Отец не станет играть в догонялки. С его связями он просто пришлет вертолет прямо к моей конечной станции, и я выйду из поезда прямо в его «заботливые» руки, которые сожмутся на моей шее мертвой хваткой.

Я стояла перед кассой, сжимая в кармане пачку теперь уже бесполезных банкнот. Весь мой «великий побег» оказался детской игрой в прятки, где я сама себя загнала в угол. Я чувствовала себя жалкой, глупой девчонкой, которая возомнила, что может перехитрить дьявола на его же территории.

— Мисс? Вы берете билет? — кассир нахмурился, и в его взгляде мелькнуло подозрение.

Я резко отступила, едва не сбив кого-то в толпе. Нужно уходить. Немедленно. Пока объектив камеры над кассой не выжиг мой профиль в памяти системы безопасности. Пеннстейшн, которая казалась мне воротами в новую жизнь, внезапно превратилась в капкан. Мне нужен был другой путь. Путь для тех, кто не оставляет следов.

Выскочив на улицу, я жадно глотнула холодный, пахнущий гарью воздух. Ноги сами несли меня прочь от вокзаль-

ных камер. На углу я заметила парня, лениво листающего ленту в телефоне.

— Извините, — я почти задышалась. — Где здесь останавливаются частные автобусы? Те, что на север... не от главного терминала.

Он, не вынимая наушника, махнул рукой в сторону 8-й авеню: — Два квартала вверх. Там парковка у заправки. Частники грузятся там.

Я почти бежала. Место посадки встретило меня шумом моторов и запахом дешевого дизеля. Огромный, забрызганный грязью автобус прогревал двигатель. На табличке значилось: «Express / Northbound». Мне было плевать, куда именно, лишь бы подальше.

Очередь двигалась быстро. Когда я оказалась перед водителем — грузным мужчиной с планшетом в руках — я попыталась улыбнуться.

— Билет? — бросил он.

— У меня разрядился телефон. Я хочу купить сейчас, наличными. Он оценил мою куртку и мой слишком чистый для этого места вид.

— Наличные — это хорошо. Но мне нужно ваше ID, чтобы внести данные в систему. Правила TSA. Скан или ручной ввод — без этого я не могу закрыть рейс.

Я застыла. Опять. Опять этот цифровой ошейник, который затягивался на моей шее всё туже с каждым шагом.

— Разве нельзя просто... как попутчика? — я понизила

голос, почти умоляя, и ненавидела себя за этот заискивающий тон. — Я заплачу вдвое. Наличными. Прямо сейчас.

— Ты издеваешься, мисс? — водитель мазнул пальцем по экрану планшета и наконец поднял на меня взгляд. Его глаза, холодные и пустые, быстро скользнули по моему лицу, оценивая стоимость моей куртки и степень моего отчаяния. Но в этом взгляде не было сочувствия — только скука человека, который видел сотни таких «беглянок». — Мне проблемы с федералами не нужны. Нет ID — нет места.

Дверь с противным шипением захлопнулась перед моим носом. Внутри всё kloкотало от бессильной ярости. Мне хотелось кричать, ударить по этому грязному борту, вырвать проклятый терминал из рук этого исполнительного винтика системы. *Гевалт! Какая тут свобода?* Весь этот мир превратился в стеклянный зверинец, где за каждым твоим вздохом наблюдает чей-то объектив. Где ты не можешь даже сбежать, не оставив за собой светящийся след из данных и метатегов.

Я была заперта. В клетке из бетона, спутников и чужих ожиданий. А этот человек, вернувшийся к своей жвачке и графику, был просто очередным надежным засовом на моей двери.

Я развернулась и побрела вдоль бесконечной вереницы машин, не разбирая дороги. Горло сдавило горьким спазмом. Слезы — злые, жгучие — подступали к глазам, и я до боли прикусила губу, чтобы не дать им выплеснуться. Я чув-

ствовала себя загнанной крысой, которая только что осознала, что выхода из лабиринта никогда не существовало.

И в этот момент, когда тихая истерика уже была готова сорваться с цепи, я услышала его.

— И они называют это «свободной страной», верно?

Голос разрезал шум улицы, как острый скальпель. В нем не было ни сочувствия, ни явной угрозы — только холодная констатация факта. Я вздрогнула и остановилась.

У обочины стоял темный Джип. Мужчина, прислонившийся к его открытому багажнику, даже не поднял головы. Он был занят: его руки в рабочих перчатках методично перебирали инструменты в брезентовой сумке. Я услышала тяжелый лязг металла — он достал разводной ключ и, нахмурившись, вытер его ветошью.

— Я невольно подслушал ваш разговор с тем цербером у автобуса, — он наконец посмотрел на меня, и его взгляд был удивительно прямым. — Раньше можно было пересечь всю страну с сотней долларов в кармане, и никто не спрашивал твоего имени. А теперь они хотят знать даже твой биометрический профиль, чтобы просто пустить в вонючий салон к сорока туристам.

Я сглотнула, чувствуя, как внутри закипает горькая, удушливая злость. — Свобода теперь — это просто право выбора, в какую базу данных тебя внесут, — мой голос прозвучал глухо и резко. — Мы для них просто номера в ведомостях. Слишком много глаз на каждом углу.

Мужчина едва заметно усмехнулся — только уголками губ. На нем была добротная куртка из грубой коричневой кожи с высоким воротником, из-под которой виднелся плотный темно-зеленый свитер крупной вязки. Никаких брендов, никакого пафоса — только практичность и качество.

— Меткое сравнение, — он бросил ключ обратно в сумку. Звук был тяжелым и окончательным.

Он стащил с рук перчатки и медленно, тщательно вытер ладони всё той же ветошью. Каждое его движение было выверенным, спокойным, лишенным суеты. Закончив, он захлопнул тяжелую крышку багажника. Внедорожник ощути-мо вздрогнул.

— И куда же вы направляетесь с таким настроем? — спросил он, облокотившись на машину и глядя на меня с ленивым любопытством.

Я промолчала. В голове набатом билось правило безопасности номер один: не называй конечную точку. В этом городе даже стены имели уши, а случайный прохожий мог оказаться чьими-то глазами.

Он выждал долгую паузу, внимательно изучая моё лицо, словно читал между строк моей подозрительности. — Ясно, — он кивнул сам себе. — Секретные маршруты. Понимаю.

Он оттолкнулся от машины и подошел чуть ближе — ровно настолько, чтобы я почувствовала исходящее от него тепло, но не настолько, чтобы мне захотелось бежать. Его взгляд был глубоким и спокойным. В нем не было той хищной,

самодовольной остроты, которая всегда сквозила в глазах Лиама. Лиам смотрел на меня как на ценный трофей, который нужно постоянно полировать и запирает на замок. Этот же человек смотрел так, будто я была всего лишь частью сурового пейзажа, который он привык наблюдать из окна своего джипа. И это безразличие, лишенное жажды обладания, подкупало сильнее любых обещаний безопасности.

— Вообще-то, в моих планах не было брать попутчиков. Я собирался доехать до севера в одиночестве, слушая плохие новости по радио, — он засунул руки в карманы куртки. — Но дорога до Мэна длинная, а цены на бензин сейчас такие, будто его добывают на Марсе. Если вам нужно в ту сторону — я был бы не против компании, которая готова разделить расходы.

Я прищурилась, изучая его. В его словах была логика — сухая, мужская и лишенная всякой романтики.

— Значит, это просто вопрос экономики, — я постаралась, чтобы мой голос звучал так же деловито, как и его. — И какую цену вы назначили за место в этом «ковчеге»?

— Пятьдесят долларов на бак и ваше молчание, — он чуть склонил голову набок, и тень от козырька кепки легла на его глаза. — Я еду в Портленд, но по пути могу высадить вас, где вам будет угодно. Хоть на заправке в лесной глуши, хоть в центре города. Решать вам.

Я замаялась, глядя на мощные колеса его джипа. Предложение было слишком своевременным, чтобы не вызывать

подозрений, но в то же время оно было единственным.

— А если я... если я боюсь садиться в машину к незнакомцу? — спросила я, и на этот раз это была не слабость, а проверка его реакции.

— Справедливо, — он спокойно кивнул, ничуть не задетый моим недоверием. Он достал из кармана поношенный кожаный бумажник, извлек пластиковую карточку и протянул её мне. — Сфотографируйте моё удостоверение. Отправьте его кому нужно — брату, адвокату, кому угодно. Пусть знают, с кем вы уехали. Райан Купер. Реставратор мебели, который просто хочет сэкономить на топливе.

Я смотрела на его ID, потом снова на него. Он выглядел как человек, который ценит свою приватность так же сильно, как и я. В его предложении не было «бесплатного сыра», только циничный расчет.

— Портленд? — переспросила я, поднимая глаза.

— Портленд, — подтвердил он, не сводя с меня спокойного взгляда. — Садитесь. В Нью-Йорке скоро начнутся пробки, а я планирую быть дома до того, как выпью весь кофе в этом штате.

Я помедлила секунду, чувствуя, как холодный ветер пробирается под куртку. Взгляд Райана был непоколебим. Он не заманивал меня, не пытался понравиться и не проявлял ни капли того излишнего участия, которое обычно предшествует опасности. Он просто стоял и ждал моего решения, готовый уехать через мгновение, если я скажу «нет».

— Хорошо, мистер Купер. Поехали.

Он лишь коротко кивнул, словно мы только что подписали стандартную накладную на перевозку груза. Райан не стал ждать, пока я запрыгну внутрь. Он молча шагнул ко мне, взял мой чемодан за ручку и, не дожидаясь возражений, потащил его к задней части машины.

Я уставилась на пластиковую карточку, забытую им на выступе багажника. Пальцы привычно скользнули в карман — пусто. Единственный предмет, который должен был стать моим прикрытием, оказался лишь способом усыпить бдительность Лиама, пока я готовилась к самому рискованному шагу в своей жизни.

Я осталась без связи. Без возможности зафиксировать его лицо или имя.

Я взяла карточку в руки. Пальцы мелко дрожали, пока я впивалась глазами в буквы, стараясь выжечь их в своей памяти: Райан Купер. Первое сентября, восемьдесят четвертый год. Дата рождения обожгла сознание своей четкостью. Ему был сорок один год. Почти ровесник Лиама, но на этом сходство заканчивалось. На фото из водительского удостоверения Райан выглядел суровым и сосредоточенным — взгляд был направлен куда-то сквозь камеру, точно так же, как он смотрел на меня сейчас. Я повторяла эти цифры про себя как мантру, пытаюсь запомнить каждую черточку на его лице, каждую цифру номера лицензии. Если по дороге что-то случится, эта дата и это имя будут последним, что я вспом-

ню.

Райан открыл багажник, закинул туда мой чемодан — он глухо ударился о металлический пол — и захлопнул крышку.

— Закончили изучать биографию? — спросил он, обходя машину. — Мне нужно вернуть права, если мы планируем проехать через мост без приключений.

Я подошла к водительской двери и протянула ему карточку. Он забрал её, даже не коснувшись моих пальцев, и небрежно бросил на приборную панель.

Я открыла тяжелую пассажирскую дверь. Салон встретил меня запахом старой кожи, кедра и тепла. На сиденье действительно лежал какой-то свернутый чертеж и пара затертых рабочих перчаток. Я просто смахнула их на пол и села, чувствуя, как высокая посадка внедорожника отделяет меня от тротуара.

Когда я захлопнула дверь, мир снаружи — со своими камерами и патрульными — стал тихим. Тяжелый щелчок центрального замка отозвался где-то в позвоночнике.

— Пристегнитесь, — буднично бросил он, поворачивая ключ в замке зажигания.

Двигатель отозвался мощным, ровным рычанием, от которого по полу прошла ощутимая вибрация. Райан, не глядя на меня, включил передачу и плавно вывернул руль, встраиваясь в поток машин.

— Путь неблизкий, — сказал он, выруливая на шоссе. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь утренний смог, ко-

со ложились на его руки, крепко сжимающие руль. — Учитывая погоду и то, что на выезде всегда чертовщина с трафиком, надеюсь, к вечеру будем на месте. Можете поспать. Я не из тех, кто любит развлекать попутчиков беседами.

Я откинулась на сиденье, глядя на линию горизонта перед нами. Весь день впереди. Весь день в компании незнакомца, который пахнет лесом и табаком, и который — единственный в этом мире — не спросил у меня документы.

Я закрыла глаза, слушая мерный рокот мотора. У меня был только Райан Купер и бесконечная дорога на север, залитая бледным утренним светом.

Глава 5.

Лиам

Music on: Ólafur Arnalds — «Verses»

Жизнь — это не более чем долгая, выматывающая гонка, финиш которой всегда один и тот же. Мы тратим годы на то, чтобы просто выжить, работая до изнеможения, копим не состояние, а обиды, которые с годами становятся тяжелее железа, и пытаемся скрыть свои шрамы, а в итоге всё сводится к шести футам промерзшей земли и дешевому гробу. Смерть не обладает величием; она обладает лишь абсолютной, ледяной деловитостью, превращая годы тяжкого труда и невысказанного гнева в запись в церковном реестре.

Акрон, штат Огайо, встретил меня именно так, как я ожидал: серым небом, которое, казалось, придавливало город к серым кварталам, и колючим январским ветром, пропитанным запахом гари и мокрой земли.

Я стоял у края могилы, чувствуя, как мороз забирается под тяжелое шерстяное пальто. Под ногами расстился ковер из ярко-зеленой искусственной травы — нелепое, почти вызывающее пятно на фоне грязного снега и обледенелых надгробий. Мы помешаны на этом фальшивом лоске даже на кладбищах. Маскируем сырую почву пластиком, чтобы са-

мим себе не напоминать, куда мы на самом деле пришли.

Джеймсу — для всех нас просто Джиму — было шестьдесят девять. Сердце. Иронично, что орган, который он всю жизнь использовал лишь как насос для перекачки желчи и амбиций, в итоге просто отказал, не выдержав собственного ритма.

Священник что-то читал, но его голос тонул в низком, раздражающем гуле пропанового обогревателя, стоящего под синим тентом. Слова превращались в белые облачка пара и тут же растворялись в холодном воздухе. «Прах к праху», — произнес он, и этот звук показался мне чересчур театральным.

Я перевел взгляд на мать. Она казалась крошечной и хрупкой в своем черном пальто. Она не сводила глаз с лакированной крышки гроба, методично прижимая кружевной платок к лицу. В её скорби была какая-то обреченная тишина, словно она знала об этом финале задолго до того, как Джим упал в своем кабинете.

Рядом с ней, поддерживая её под локоть, стояла Грейс.

Моя сестра. На год младше меня, но всегда на целую вечность старше в своем неприятии всего, что я собой представлял. Она не звонила мне двенадцать лет. Двенадцать лет тишины, которые были разрушены коротким, сухим звонком в самый неподходящий момент.

Грейс не смотрела на гроб. Она смотрела на меня.

В её глазах не было ни сочувствия к брату, ни общей пе-

чали. Там застыло всё то же холодное презрение, с которым мы расстались больше десятилетия назад. Для неё я был не сыном, вернувшимся домой, а чужаком, который привез с собой запах больших денег и чужих несчастий. Этот взгляд был как укол скальпеля — точный и лишенный эмоций. Она знала, кто я. И знала, что никакие похороны этого не изменят.

Я снял белые перчатки носильщика. Пальцы онемели от холода, и я едва чувствовал ткань. Медленно подошел к гробу и положил их сверху — жест завершенности, ритуал, который должен был поставить точку. Но точки не было.

Гроб остался над землей, на блестящих ремнях синхронизатора. Мы уйдем, и только тогда, без свидетелей, механические тросы медленно опустят Джима в «волт» — бетонный футляр, который не даст земле просесть. Идеальный порядок. Идеальная бесстрастность.

Всего несколько часов назад я был в Нью-Йорке. Я был готов вскрыть дверь квартиры Эстер, сорвать с неё эту маску неповиновения и заставить её замолчать. Я уже чувствовал этот триумф контроля. А потом — звонок. Голос Грейс, сухой, как треск ломающейся ветки. И я сорвался сюда, оставив всё на самотек.

Я стоял на этом фальшивом газоне до последней секунды, делая вид, что внимательно слушаю надгробные речи. Дин, младший брат отца, распинался о «чести и семейных ценностях» Джима, то и дело бросая на меня колючие взгляды. Он

явно метил на роль нового патриарха, но в его голосе было слишком много елеса, чтобы это звучало искренне. Друзья отца кивали, поджимали губы и шептались, бросая на меня косые взгляды — я для них был воплощением всего того, что они боялись и презирали в новом поколении.

Я слушал этот поток банальностей, чувствуя, как мороз пробирается под пальто, а внутри нарастает холодное онемение.

В какой-то момент я почувствовал тяжелую ладонь на своем плече. Резко обернувшись, я увидел Джулиана и Маркуса.

Я отослал Джулиану короткое сообщение о том, что лечу в Огайо на похороны, и он не задал ни одного лишнего вопроса. Он просто бросил все дела и прилетел следом. Они стояли вдвоем — две знакомые, монолитные фигуры в этом море враждебных лиц. Джулиан со своей благородной сединой и Маркус, который в свои сорок один всё еще сохранял черты того парня, с которым мы начинали этот путь, хотя взгляд его давно стал жестким. Оба в строгих черных пальто и темных свитерах, их присутствие здесь было единственным реальным фактом в этом спектакле теней.

Я коротко кивнул им в знак благодарности. Мне действительно не помешали бы сейчас союзники. Находиться здесь, среди людей, которые винили меня во всех смертных грехах, было пыткой, которую я был обязан вытерпеть.

Я достал телефон. Приложение по-прежнему показывало, что Эстер дома. Точка на карте была неподвижна, как и гроб

моего отца под синим тентом.

Я не стал ничего ей отправлять. Последнее, что мне сейчас было нужно — это снова дергать поводок, напоминая о своем присутствии. Я и так слишком сильно затянул узлы в последнее время, и именно это болезненное давление, это осознание, что за каждым её шагом следят, стало одной из причин, толкнувших её на край. Пусть думает, что я занят, что я далеко. Пусть тишина в её квартире станет для неё самой оглушительной угрозой.

Мы не уехали сразу после кладбища. Традиции маленьких городов Огайо неумолимы, как и семейные обязанности, от которых нельзя просто откупиться. Нас ждали поминки в нашем старом доме — месте, которое я надеялся никогда больше не видеть.

Я стоял в гостиной, сжимая в руке стакан с виски, который на вкус напоминал жженный сахар и пыль. Вокруг роились люди: дальние родственники, коллеги отца по цеху, какие-то соседи, чьих имен я не помнил. Дин продолжал свою игру в гостеприимного хозяина, но его глаза то и дело возвращались к моему карману, где лежал чековая книжка.

Я прекрасно понимал правила этой игры. Грейс позвонила мне не из внезапно проснувшейся сестринской любви и даже не из желания разделить общее горе. Ей нужен был тот, кто оплатит этот пафосный гроб, этот синий тент, эти услуги кейтеринга и, скорее всего, внушительные долги, которые отец умудрился накопить перед смертью.

Я выждал момент, когда Грейс осталась одна у окна, и подошел к ней. Она не обернулась, продолжая смотреть на серые сумерки Акрона. Внутри, вопреки всему, еще теплилась глупая, почти детская надежда, что смерть отца станет тем обнулением, которое позволит нам просто... поговорить.

— Грейс, — позвал я негромко. На этот раз в моем голосе не было стали. — Как ты? Как мама?

Она не шелохнулась. Её профиль, такой похожий на отцовский, казался высеченным из холодного гранита. Она смотрела в окно на темнеющий Акрон, и я видел, как мелко дрожат её сцепленные пальцы.

— Теперь тебя это волнует? — её голос был едва слышным, но в нем было больше яда, чем в криках Дина. — Спустя столько лет ты решил спросить, как у нас дела?

Я не стал лгать ей, что звонил. Мы оба знали правду: все эти годы между нами стояла стена, которую я сам помогал возводить, кирпич за кирпичом. Я лишь молча слушал, как её голос дрожит от сдерживаемых рыданий, которые она так и не позволила мне увидеть.

— Ты виноват в том, что его не стало, — отрезала она, и её слова ударили под дых сильнее любого физического воздействия. — Отец умер, так и не дождавшись твоего раскаяния. Он каждый день терзал себя тем, что тебя нет рядом. Ты должен был извиниться. Должен был прийти к нему. Он до последнего вздоха верил, что вырастил человека, а не расчетливого ублюдка, который ставит лицензию фирмы выше

родной крови.

Я молчал, глядя на её отражение в стекле. Внутри меня, за слоем профессионального выгорания, ворочалась старая, едкая обида.

— Извиниться за что, Грейс? — мой голос стал глубже, в нем зазвучали те интонации, которыми я заставлял свидетелей сомневаться в собственной памяти. — За то, что я не утонул вместе с ним? Элиас был в нашем доме с самого детства. Он был мне как брат, я любил его не меньше тебя. Но когда он решил переступить черту и попался, вы все решили, что я обязан сжечь свою жизнь и карьеру, чтобы прикрыть его глупость.

— Он делал это ради нас! — она резко обернулась, её глаза лихорадочно блеснули.

— И это дает ему право требовать от меня стать соучастником? — я сократил расстояние между нами, заставляя её смотреть мне в глаза. — Я нанял ему лучшего адвоката, и тот предложил ему сделку. Три года. Он бы вышел через восемнадцать месяцев за хорошее поведение. Но он выбрал гордыню. Он выбрал врать и топить меня вместе с собой. И самое горькое, что вы — мои родители и ты — поверили ему, а не мне. Вы отказались от меня ради того, кто сам нажал на курок своей судьбы.

Грейс открыла рот, чтобы возразить, но я не дал ей вставить ни слова.

— Ты до сих пор таишь на меня эту идиотскую обиду,

прикрываясь святым образом Элиаса. Ради чего? Ради того, кто даже не смог как следует принять последствия своего выбора и вернуться к тебе? Где он сейчас? Почему не стоит рядом и не держит тебя за руку в этот день?

Её взгляд, и до этого ледяной, стал совсем невыносимым. В глазах, лихорадочно блестящих, читалась не просто обида — глубокая, застарелая ненависть.

— А может, это ты мне скажешь? — её голос вибрировал от напряжения. — Я уверена, что это твоих рук дело.

— Что? — я в недоумении уставился на неё.

— Ты заставил его уехать и не возвращаться, — отрезала она. — Ты просто убрал его из нашей жизни, чтобы в твоей идеальной репутации успешного адвоката не было пятна в виде осужденного родственника. Ты ведь так заботишься о своем «лице» перед партнерами и клиентами, правда? Я не знаю, какими именно угрозами ты смог это сделать, но я была на связи с ним, Лиам. Мы переписывались последние месяцы его срока. Он обещал мне, что вернется, что мы начнем всё сначала, несмотря ни на что. Он клялся, что ждет не дождется момента, когда переступит порог этого дома.

От её слов меня едва не стошнило. Мне осточертело слушать этот бред, эту ложь, в которую она превратила свою жизнь, чтобы оправдать собственную боль.

Рядом, почти бесшумно, возник Джулиан. Он замер, оценивающе глядя на нас — его присутствие всегда ощущалось как холодная, отрезвляющая тень.

— Лиам, всё в порядке? — негромко спросил он, не сводя глаз с Грейс.

Я коротко кивнул, даже не глядя на него. Хватит. С меня довольно.

— Я знаю, почему ты позвонила сейчас, — сказал я уже тише, чувствуя, как запал уходит, оставляя только выжженную пустоту. — И дело не в прощении и не в том, чтобы я, вернувшись, признал всю эту ахинею и раскаялся в том, чего не совершал. Тебе нужен тот, кто решит проблемы, которые Джим оставил после себя. Твоя гордость позволяет тебе презирать меня, но она никогда не мешала тебе обналичивать мои чеки все эти годы.

Я выписал чек — сумма покрывала похороны и все долги по дому на год вперед — и молча оставил его на столе перед Грейс. Она, не взглянув на меня, уже отвернулась обратно к окну, застыв в привычной позе.

— Похоже, мне здесь больше нечего делать, — сказал я с безразличием, которое далось мне с таким трудом. — Я продолжу вас поддерживать, но не потому, что признаю вашу правоту. И не из чувства вины. Просто мне на вас не плевать. Но, Грейс... тебе пора наконец оставить эту роль жертвы и позволить себе жить чем-то, кроме ненависти ко мне.

Я отошел от сестры и направился к матери. Она сидела в глубоком кресле, и по её застывшему взгляду я понял: она слышала каждое слово нашего разговора с Грейс. Каждое моё обвинение и каждую ядовитую реплику дочери. Она не

шелохнулась, не попыталась нас остановить — её молчание было самым красноречивым подтверждением того, что она полностью разделяет позицию сестры.

Я опустился перед ней на одно колено, чувствуя, как внутри натягивается последняя струна. Я взял её сухую, холодную ладонь в свои и едва ощутимо коснулся губами её щеки. Я не ждал от неё жалости — в этом доме её запасы для меня иссякли ещё двенадцать лет назад.

— Прости, что мы так и не научились говорить на одном языке. Мне очень жаль. За всё то, что мы потеряли.

Она не ответила, лишь на секунду прикрыла глаза, словно отгораживаясь от моего присутствия. Я понял, что на этом мой долг здесь официально исполнен.

Я выпрямился и подошел к Локвуду и Гейтсу. Они стояли чуть поодаль, наблюдая за этим театром теней с привычным спокойствием профессионалов.

— Всё, — я поправил манжеты. — Поехали в аэропорт. Нам нужно вернуться.

Я имел в виду Нью-Йорк, но им обоим нужно было возвращаться в Цинциннати. Джулиан Локвуд сделал шаг вперед, перехватывая мой взгляд.

— Не сегодня, Лиам, — отрезал он негромко, но властно. Я нахмурился. — У меня дела. Я не могу...

— Лиам, — Джулиан прервал меня, положив тяжелую ладонь мне на плечо. — Я забронировал три номера в Blu-Tique. Это лучший отель здесь, в центре. Мы не летим се-

годня. Тебе нужно попроситься с отцом, а не срывать в самолет в таком состоянии. Тебе нужно выдохнуть. Поговорим, выпьем. Мы с тобой.

Я хотел возразить, сказать, что разговор с Эстер важнее любой выпивки, но тяжесть его руки и гудящая пустота в голове были сильнее. Я снова достал телефон и посмотрел на экран. Точка в Нью-Йорке всё ещё была на месте. Она никуда не делась.

Я коротко кивнул Джулиану, принимая его условия. Он был прав — мне нужно было смыть с себя этот город и этот дом, прежде чем возвращаться к ней. Я не мог позволить ей увидеть себя в таком виде: выпотрошенным, с этим удушливым шлейфом траура и поражения, который я притащил бы за собой прямо в её спальню. Как бы отчаянно мне ни была нужна её близость прямо сейчас, чтобы заглушить голос Грейс в голове, я не хотел, чтобы она видела мою слабость. Перед ней я должен был предстать тем же монолитом, к которому она привыкла, а не этим человеком, чьи слова только что проигнорировала собственная мать

Я захватил пальто, и мы втроем вышли навстречу ледяному вечернему воздуху. У ворот нас уже ждала черная машина, которую нанял Джулиан. Когда дверь захлопнулась, отрезая нас от прошлого, я откинулся на сиденье и закрыл глаза. Я увижу Эстер утром. Теперь я был в этом уверен.

#

— Ты же знаешь, что ты не виноват, так ведь? — голос

Джулиана прозвучал низко, с той хрипотцой, которая появляется у мужчин после долгого дня и пары порций крепкого спиртного.

Мы сидели в глубоких креслах бара отеля. Воздух здесь был густым, пропитанным ароматом дорогого табака и озоном кондиционеров. Джулиан откинулся на спинку, закинув ногу на ногу. Его свитер был небрежно задран до локтей, открывая предплечья и платиновый корпус часов, ловивший блики от барной стойки. Рядом Маркус медленно крутил бокал, наблюдая, как лед бьется о хрустальные стенки. На его переносице поблескивала тонкая оправа очков, за которой скрывался взгляд человека, привыкшего видеть людей насквозь.

— «Убирайся в свой Цинциннати, там тебе и место — среди таких же расчетливых ублюдков», — я повторил эти слова так, будто они были выжжены у меня на подкорке. — Последнее, что он мне сказал перед тем, как я захлопнул за собой дверь двенадцать лет назад.

Я сделал долгий глоток, позволяя виски согреть горло, но холод внутри никуда не делся. Обида, которую я годами упаковывал в аккуратные счета и чеки для семьи, сегодня вскрылась, как старая рана.

— Я ведь действительно верил, что деньги — это эквивалент заботы, — признал я, глядя в пустоту перед собой. — Что если я оплачу их счета, то смогу не смотреть им в глаза. А теперь я стою в этом чертовом городе и понимаю, что

Грейс права: я просто трус, который предпочел откупиться, вместо того чтобы заставить отца признать, что он был неправ насчет Элиаса.

Маркус поправил очки, его голос был сухим и ровным: — Грейс до сих пор носит этот траур как щит. Она твердит о любви, но Элиас на свободе уже два года. Если это была «любовь века», то где он? Почему не вернулся в Акрон?

Я лишь горько усмехнулся. — Я искал его. По всем базам, через всех информаторов, которых мы нанимали для дел фирмы. Тишина. Он испарился, Маркус. Человек просто стер себя из реальности, оставив меня виноватым во всех грехах этой семьи.

Я в очередной раз потянулся к телефону, лежащему на столике, но замер, едва коснувшись холодного корпуса. Взгляд Джулиана, тяжелый и пронизательный, заставил меня отдернуть руку.

— Лиам, хватит, — он кивнул на светящийся экран. — Ты весь вечер в него пялишься. Что ты там пытаешься рассмотреть? Ты в Акроне, а не в зале суда. Оставь работу или кто там тебя так дергает.

Я посмотрел на него, затем на Маркуса. Глупо было скрывать что-то от людей, которые видели меня в самые худшие моменты.

— Я облажался, Джулс. По полной программе, — я швырнул аппарат на сиденье, словно это он был виноват во всех моих ошибках. — Я доигрался. Слишком привык просчиты-

вать каждый чертов шаг, каждую деталь, и превратил жизнь Эстер в шахматную партию. Сейчас я сижу здесь и понимаю, что боюсь возвращаться не из-за неё, а из-за того, что мне придется смотреть на то, во что я превратил её взгляд. На эту пустоту. И я понятия не имею, как вычистить это дерьмо, потому что в правилах моей игры просто нет пункта о том, как не быть последним подонком.

Джулиан медленно поставил свой бокал на стол и внимательно посмотрел на меня. На его лице не было осуждения — только холодная мужская прямота.

— Я думал, ты решил отступить, Лиам. Разве не для этого ты три недели просидел в моем загородном доме? Читал, пил, изображал из себя затворника. Я был уверен, что ты наконец выдохнул и поставил на ней крест.

Я криво усмехнулся. Тот дом действительно должен был стать моей крепостью, местом, где я планировал выжечь её из своей памяти. И у меня почти получалось, пока вчерашний звонок Абрама не разнес эту крепость в щепки.

— Всё изменилось вчера. Голдман позвонил и буквально вывернул меня наизнанку. Сказал, что она медленно убивает себя, забросила скрипку и винит во всём его. Он потребовал, чтобы я вернулся и стал для неё громоотводом. Хотел, чтобы я принял на себя всю её ярость, лишь бы она снова начала дышать.

Я сделал большой глоток, чувствуя, как бурбон обжигает горло.

— Я сорвался в Нью-Йорк в ту же секунду, — глухо произнес я, глядя в свой стакан. — Нашел её в клубе, в состоянии полного распада. Я вынес её оттуда на руках, думал, что спасаю. Но утром... утром всё пошло к черту. Она заявила, что мой приезд — это просто сделка. Что я вернулся только потому, что «папочка» поманил пальцем и дал разрешение.

Маркус поправил очки, его голос прозвучал сухо:

— И ты не нашел способа доказать обратное? — спросил он.

— Я всё добил сам, — я горько усмехнулся. — Она спросила, как я нашел её в том клубе. И я, вместо того чтобы промолчать, вывалил ей правду. Сказал, что установил на её телефон слежку еще в тот день, когда ушел. Что видел каждый её шаг, пока сам прятался.

В баре повисла тяжелая, почти осязаемая тишина. Даже Джулиан на мгновение перестал вращать свой бокал.

— Она сказала, что ненавидит меня, и ушла, — я поднял взгляд на друзей, и в этом жесте было больше усталости, чем я мог себе позволить. — И теперь, сидя здесь, я понимаю: отец был прав насчет меня. Я — расчётливый ублюдок. Я бросил её, выставил из своей жизни, но при этом считал, что имею право держать её на привязи. Следил за перемещениями, контролировал каждый её шаг, как будто это моё право по умолчанию — знать, где она, пока она пытается дышать без меня. Она дома. Но я не уверен, что после того, как я перешел все границы, она вообще позволит мне подойти к

своей двери.

Джулиан молча потянулся к бутылке и наполнил мой бокал до краев.

— Завтра ты вернешься, — отрезал он. — Но сегодня ты будешь пить. Тебе нужно вытравить из себя этот день и слова своего старика, прежде чем ты снова посмотришь ей в глаза. Пей.

Глава 6.

Эстер

Music on: Max Richter — «The Departure» (Lullaby · Home · Reflection)

Тот же день.

Мир за окном превратился в бесконечную серую ленту, размытую скоростью и наступающими сумерками. Райан вел машину уверенно, почти не глядя по сторонам, и, как и обещал, молчал. За все часы пути он спросил только мое имя — короткое, сухое «Эстер», которое я бросила ему, прежде чем окончательно отгородиться от него, уставившись в темнеющее окно. Без телефона, без музыки, без возможности проверить новости или чьи-то сообщения, я осталась один на один со своими мыслями, и эта тишина давила на уши сильнее любого шума.

Я понятия не имела, сколько нам еще ехать. Нью-Йорк остался где-то в другой жизни, а Портленд был для меня лишь названием на бумаге — далекой точкой, до которой, казалось, мы будем добираться вечно. Без связи я была полностью дезориентирована; я не могла проверить карту или посмотреть время прибытия, и это отсутствие контроля пугало меня не меньше, чем сам побег.

Когда индикатор топлива на приборной панели начал настойчиво мигать, вырывая меня из вязкого полузабытья, за окном уже вовсю хозяйничал вечер. Мы пересекали Массачусетс, и пейзаж за окном становился всё более суровым и неприветливым. Дорога, которая еще пару часов назад казалась просто мокрой, теперь покрывалась опасной белой коркой. Снег, сначала робкий и мелкий, повалил густыми, тяжелыми хлопьями, которые с глухим стуком разбивались о лобовое стекло. Старые дворники Райана работали на пределе, с надрывным скрипом отшвыривая налипшую массу, а скорость машины заметно упала — мы больше не летели, мы осторожно пробирались сквозь белую пелену.

Мы свернули к заправке в районе Стурбриджа. Как только мотор затих, я наконец подала голос:

— Я оплачу этот бак.

Мой голос прозвучал хрипло, почти неузнаваемо, сорвавшись на полутоне. Холодный, колючий воздух вперемешку со снегом ударил в лицо, едва я приоткрыла тяжелую дверь. Я непроизвольно втянула голову в плечи, пытаюсь спрятаться в воротнике. Кости ныли так, будто по мне проехал тот самый огромный грузовик, на который я только что смотрела сквозь пелену снегопада. Ноги казались ватными, а каждый шаг по заснеженному асфальту к ярко освещенному павильону отдавался пульсирующей болью в висках.

Внутри пахло пережаренными кофейными зернами, старым пыльным воздухом и сыростью от тающего снега. Я за-

мерла перед бесконечными стеллажами, пытаюсь сфокусировать взгляд на пестрых этикетках лекарств, которые расплылись в цветные пятна. Мои руки мелко дрожали, и в отражении стеклянной дверцы холодильника на меня смотрела бледная, почти прозрачная тень той Эстер Голдман, которую когда-то называли «золотой скрипкой».

Я собрала свои покупки и с глухим стуком выложила их на стойку. К яркой упаковке средства от простуды и бутылке холодного изотоника добавились треугольный сэндвич в безжизненной обертке и большой стакан крепкого черного кофе, от которого исходил горький, бодрящий пар.

— Пятая колонка, до полного. И это всё, — я бросила скомканные купюры на стойку, стараясь не касаться пальцами кассира.

Он даже не поднял на меня глаз, механически пробивая покупки. В этом стерильном мире заправок никого не волновало, почему у тебя лихорадочно блестят глаза и так сильно дрожат руки — лишь бы хватило налички.

Выйдя обратно к машине, я почувствовала, как вечерняя прохлада и влажность жадно забираются под куртку. Чем темнее становилось на улице и чем сильнее валил снег, тем больше ядовитых сомнений просачивалось в мою голову. Что я делаю? Куда я еду, не имея ни плана, ни дома, ни малейшего представления о том, как выглядит этот Мэн? Отец с ума сойдет, когда поймет, что я исчезла. Его гнев всегда был тихим и разрушительным, но внутри меня, сквозь озноб

и страх, крепло глухое упрямство: он должен наконец понять, что я — не его собственность и не часть его безупречного имиджа.

Я села в машину, и салон окутал меня остатками тепла и запахом старой кожи. Протянула Райану сэндвич и кофе.

— Держи. Дорога стала совсем плохой, тебе понадобятся силы.

Сама я дрожащими пальцами открутила крышку бутылки, чувствуя, как ледяная вода обжигает горло. Райан коротко улыбнулся, принимая стакан. Его лицо в тусклом свете приборной панели казалось высеченным из камня, но в глазах мелькнуло что-то похожее на молчаливое одобрение.

— Спасибо, Эстер. Из-за снега мы приедем позже, чем я рассчитывал. Так что спи, — он завел двигатель, и тяжелый рокот мотора отозвался вибрацией где-то в районе моего солнечного сплетения. — Я разбужу тебя, когда увижу указатель на Портленд.

Мы снова тронулись в белую тьму, уходя всё дальше на север. Дорога окончательно превратилась в размытое белое пятно. Границы между небом и землей стерлись; указатели, мимо которых мы проезжали, казались лишь призрачными тенями, мелькавшими в снежной круговерти. Я потеряла счет времени и милям. Карта штатов, которую я когда-то изучала в школе, теперь была бесполезным набором названий, не имеющим отношения к этой ледяной пустоте.

Организм начал сдавать. Выпитый изотоник не принес об-

легчения — он лишь накрыл мое сознание липким, мутным туманом, не коснувшись того жара, что пожирал меня изнутри. Ощущения были странными, вывернутыми наизнанку: кожа казалась ледяной на ощупь, но под ней, в самых мышцах, кипела лава. Каждый вдох обжигал горло, а выдох ощущался как струя пара. Звуки работы двигателя доносились будто из-под толщи воды, становясь то невыносимо громкими, то почти исчеза.

Я не могла перестать дрожать. Крупная, неуправляемая дрожь сотрясала всё тело, заставляя зубы выбивать мелкую дробь. Райан выкрутил печку на полную — из дефлекторов бил сухой, горячий воздух, от которого чесались глаза, но я всё равно чувствовала себя так, будто меня заперли в морозильной камере.

Он стал оглядываться чаще. Я видела его профиль — напряженный, сдвинутые к переносице брови, плотно сжатые губы. Он явно боролся не только с дорогой, но и с растущим беспокойством. Наконец, он прервал нашу многочасовую тишину.

— Эстер? — его голос прозвучал резко, прорываясь сквозь вату в моих ушах. — Эстер, ты в порядке? Ты какая-то совсем бледная.

Я попыталась ответить, разлепить пересохшие, потрескавшиеся губы, но вместо слов из горла вырвался лишь невнятный хрип. Реальность поплыла. Перед глазами заплясали черные точки, складываясь в причудливые узоры, по-

хожие на ноты моей последней несгранной партии. Тошнота подступила внезапно и неумолимо — горькая, горячая волна, сдавившая горло.

— Райан... меня сейчас вырвет... — едва успела выдавить я.

Он среагировал мгновенно. Машину повело вправо, шины с надрывным визгом вгрызлись в заснеженную обочину. Остановка была настолько резкой, что я едва не вписалась лбом в приборную панель. Райан выскочил из машины, его дверь осталась распахнутой, впуская в салон вихрь ледяных снежинок.

Я рванулась к своей ручке, но пальцы стали чужими, ватными, они соскальзывали с холодного металла, отказываясь слушаться. Паника на мгновение вспыхнула в груди, но тут дверь распахнулась снаружи. Райан подхватил меня под локоть, помогая выбраться из тесного плена сиденья.

Стоило моим ногам коснуться рыхлого снега, как желудок окончательно взбунтовался. Меня стошнило прямо на девственно-белую кромку дороги. Это было невыносимо унижительно — стоять, согнувшись пополам под прицелом чужих глаз, чувствуя, как холодный ветер хлещет по лицу. Эта внезапная лихорадка никак не входила в мои планы. Я должна была уходить красиво, гордо, как героиня классической драмы, а не превращаться в жалкий, дрожащий комок боли на обочине шоссе неизвестно где.

Боже. Как же мне было плохо. Мир вокруг окончательно

потерял устойчивость, и если бы не крепкая хватка Райана на моем плече, я бы, наверное, просто исчезла в этом снегу.

Холодный воздух, ворвавшийся в салон, немного прояснил сознание, но лишь на мгновение. Райан практически затащил меня обратно на сиденье, и я бессильно откинулась на подголовник, чувствуя, как по подбородку течет ледяная влага — то ли подтаявший снег, то ли слезы, которые я даже не заметила.

Я нащупала под ногами в темноте бутылку воды и сделала несколько жадных глотков, пытаясь смыть этот едкий, унижительный привкус из горла. Вода казалась чересчур холодной, она комом проваливалась внутрь, вызывая новую волну спазмов.

Райан сел за руль, но не спешил трогаться. Он нагнулся ко мне, слишком близко, заполняя собой всё пространство. Я почувствовала запах его куртки — мокрая шерсть, табак и мороз. Его руки уверенно перехватили ремень безопасности; щелчок замка прозвучал в тишине кабины как выстрел. Он не отстранился сразу. Напротив, он задержал на мне взгляд, и в полумраке его глаза казались двумя глубокими провалами, в которых отражался слабый свет приборной панели.

— Скоро будем на месте, — его голос стал тише, глубже, вибрируя где-то под кожей моего затылка. — Попробуй уснуть, Эстер.

«На месте?» — вяло шевельнулось в моей голове. — «На каком еще месте?»

Я ведь так и не сказала ему, куда именно мне нужно. У меня не было адреса, не было точки на карте, только призрачное слово «Портленд». Откуда ему знать, где меня посадить? Я хотела спросить, хотела возмутиться или хотя бы уточнить, но язык стал неповоротливым, тяжелым куском мяса. Горло сдавило, и силы вымолвить хоть слово просто испарились, вытекли вместе с остатками тепла.

Темнота за окном начала медленно вползать внутрь, смешиваясь с тенями в салоне. Сначала она поглотила очертания приборной панели, затем лицо Райана, оставив только ощущение его присутствия рядом. Веки стали невыносимо тяжелыми, словно к ним привязали свинцовые грузила. Я видела, как снежинки бьются о стекло, но уже не слышала их шороха.

Сознание сдалось первым. Оно просто провалилось в черную, липкую бездну, где больше не было ни холода, ни погоны, ни страха перед отцом. Остался только мерный, глухой рокот мотора, уносивший меня всё дальше в ледяную пустоту Мэна.

Этот морок был соткан из ослепительного света и удушающей тишины.

Я оказалась на сцене — одна, посреди бескрайнего черного пространства, прошитога насквозь безжалостными лучами софитов. Белизна была настолько плотной, что казалась осязаемой, она давила на плечи, заставляя зажмуриться. Я сидела на жестком стуле, чувствуя, как тяже-

лые складки длинного черного платья стекают к моим ногам, сковывая их, словно застывшая смола. В руках была скрипка — её лакированный бок казался единственным теплым предметом в этом ледяном мире.

Я не видела зала, лишь бездонную пропасть за краем сцены. Внезапно из тени возник маэстро Лати. Его фигура казалась карикатурно четкой, почти графичной. Он медленно поднял палочку, замирая в секундном ауфтакте, и этот миг тишины растянулся, зазвенел в ушах. Повинуясь многолетнему инстинкту, я прижала инструмент к плечу и судорожно повела смычком. Струны отозвались, но я не узнавала звуков. Музыка жила отдельно от меня, механическая и чужая, пока я пыталась осознать, как здесь оказалась и что именно должна играть.

Внезапно один из прожекторов качнулся и выхватил из темноты единственного зрителя. Отец.

Он сидел в первом ряду, сложив руки на коленях. Его лицо, обычно непроницаемое, сейчас светилось мягкой, пугающей нежностью. Он едва заметно кивал в такт моей невидимой мелодии и улыбался — той самой одобряющей улыбкой, которую я так отчаянно пыталась заслужить годами. Это была улыбка владельца, довольного безупречной работой своего механизма.

Дрожь прошла тело, и я отняла смычок от струн. Музыка оборвалась с некрасивым, хриплым вскриком, но маэстро продолжал дирижировать пустотой, не оборачива-

ась, словно мой провал был частью партитуры.

В этот момент на мое плечо легла чужая, непомерно тяжёлая рука. Я вскинула голову, и дыхание перехватило. Лиам.

Он возвышался надо мной, и в его глазах не было и тени того спокойствия, к которому я привыкла. На меня смотрели дикие, яростные глаза человека, чей идеальный порядок только что был нарушен. — Не делай глупостей, Эстер! — его шепот прозвучал громче любого крика, вибрируя в самом моем позвоночнике.

Я попыталась вскочить, оттолкнуть его, убежать в спасительную тьму кулис, но ноги не слушались. Черное платье вдруг стало свинцовым, оно тянуло меня вниз, пригвозждая к стулу, срастаясь с кожей. Я металась взглядом между маэстро, фанатично ведущим партитуру, отцом, который все так же безмятежно улыбался моей тишине, и Лиамом, чьи пальцы впивались до боли.

Я хотела кричать, сорвать голос, объявить о своем существовании, но горло онемело, превратившись в узкий комок боли. Сцена под ногами начала медленно растворяться, превращаясь в черную воду.

Я падаю. Падаю. Падаю.

Я резко открыла глаза, и реальность обрушилась на меня жаром камина и тяжестью собственного тела. Я была насквозь мокрой — лихорадочный пот пропитал одежду, а слипшиеся пряди волос неприятно прилипали к лицу.

Передо мной, в паре метров, плясало живое пламя. Я лежала на мягком, но явно старом диване в комнате, полностью обшитой тёмным деревом. Блики огня дрожали на бревенчатых стенах, создавая причудливые тени, а в воздухе стоял густой, почти осязаемый аромат сосновой смолы и старой кожи. Я не понимала, где нахожусь. Последнее, что всплыло в памяти — колючий снег под коленями и едкая горечь во рту где-то на обочине ночной трассы.

Тишину нарушил звук открывшейся двери. В комнату ворвался поток ледяного воздуха, от которого пламя в камине испуганно качнулось. Я попыталась приподняться, но тело было всё ещё слишком слабым, и я лишь бессильно шевельнулась на подушках, чувствуя, как кружится голова.

Я увидела его у порога. Он сгружал охапку дров, и в каждом его движении сквозила спокойная, уверенная сила. Когда он обернулся, его взгляд — те самые стальные, пронзительно-серые глаза — сразу нашёл меня. Райан подошел ближе, и я невольно замерла, рассматривая его лицо: резкие, словно высеченные из камня скулы, короткая щетина и морщинки в уголках глаз. В нем не было лоска Лиама, но было нечто гораздо более фундаментальное.

Я почувствовала его ладонь на своем лбу. Его пальцы были прохладными и сухими, и этот короткий контакт заставил моё сердце пропустить удар.

— Жар отступает, — негромко констатировал он. — Ты вовремя проснулась.

— Где я? — мой голос был надтреснутым и чужим.

Он отошел, стаскивая куртку. Под ней оказалась простая фланелевая рубашка, которая обтягивала его широкие плечи. Повесив одежду у двери, он повернулся, сложив руки на груди.

— У меня дома. Ты потеряла сознание еще на подъезде к Портленду. Я не знал, куда тебя везти, а оставлять тебя в машине при таком холоде было равносильно убийству. Я уже собирался везти тебя в окружную больницу, если бы ты не пришла в себя в ближайший час.

Слово «больница» полоснуло по нервам. Я рывком села, игнорируя тошноту и ватные ноги.

— Не надо больницу. Райан, я... я в порядке. Правда. Спасибо, что не бросил, но мне нельзя здесь оставаться. Я сейчас соберусь и найду какой-нибудь мотель. Прости, что втянула тебя во всё это.

Райан медленно нахмурился, и в его глазах блеснуло что-то среднее между раздражением и суровым покровительством.

— Эстер, посмотри в окно. Там чертов буран, а ты едва держишься на ногах. Куда ты собралась? В кювет?

Он скрылся на кухне и вскоре вернулся, протягивая мне стакан. Я взяла его дрожащими руками, чувствуя, как пальцы касаются его ладони, и сделала несколько жадных глотков. Холодная вода немного утихомирила пожар внутри.

— Послушай меня, — он заговорил тише, и в его голо-

се прозвучала та спокойная уверенность, которая не требует споров. — Ты никуда не пойдешь. По крайней мере, до рассвета. Моя кровать наверху, если захочешь уединения, но здесь, у огня, тебе сейчас будет теплее. Диван в твоём распоряжении.

Он задержал на мне взгляд своих пронзительно-серых глаз, словно проверяя, не собираюсь ли я снова рвануть в метель. Затем он отошел к небольшому комоду и вернулся, неся в руках старую металлическую коробку с красным крестом.

— Вот аптечка. Здесь жаропонижающее и всё остальное. Посмотри сама, что тебе сейчас нужнее, — он поставил коробку на край низкого столика рядом со мной. — Я сейчас заварю чай и подброшу еще дров, чтобы за ночь дом не выстыл.

Я смотрела, как он уверенно возится с поленьями, как блики огня играют на его лице, подчеркивая ту самую мужскую зрелость, которая так сильно контрастировала с холодным лоском Нью-Йорка. Он не пытался меня опекать чрезмерно, он просто давал мне инструменты, чтобы я сама пришла в себя.

— Пей воду, Эстер. Утром, когда туман в голове рассеется, мы решим, что делать с твоим великим побегом. Но пока — просто попытайся выжить.

Он поднялся, его высокая фигура на мгновение заслонила свет камина.

— Я тебя не гоню. Можешь оставаться здесь столько, сколько сочтешь нужным. Ни о чем не переживай.

Я взяла стакан дрожащими руками и сделала глоток, провожая его взглядом. Тихий треск дров в камине и глухой вой ветра, бьющегося в стены дома, начали убаюкивать меня, вытесняя липкие остатки кошмара. Здесь, в этом деревянном доме, среди запаха смолы и спасительного тепла, мой побег впервые перестал казаться ошибкой.

Глава 7.

Лиам

Music on: SYML — «The Walker»

Гул в ушах не утихал, даже когда я наконец занял свое место в самолете. После кладбищенского ветра и похорон эта выхолощенная тишина в салоне бизнес-класса казалась почти физическим давлением. Я покидал Огайо в одиночестве — точно так же, как и прибыл сюда. Маркус и Джулиан улетели часом раньше.

В этом городе меня больше ничего не держало. Долги отца закрыты, формальности соблюдены. Но сейчас, когда я смотрел в иллюминатор на залитое дождем стекло, внутри жгло совсем другое. Я улетал в статусе «расчетливого ублюдка», который когда-то присвоил мне отец — только теперь в этом городе больше не осталось того, чье мнение имело для меня значение. Как бы далеко мы ни находились друг от друга все эти годы, как бы сильно ни искрились наши отношения, я уважал его. И это осознание — что я так и не успел поставить точку в нашем противостоянии перед финалом — наваливалось свинцовой тяжестью, от которой не продохнуть.

Я достал телефон, как только самолет начал медленное движение к взлетной полосе. Ночная порция виски в отеле

так и не притупила инстинкты, лишь добавила горечи. Мне нужно было увидеть одну конкретную точку на карте, чтобы не дать себе окончательно провалиться в это вязкое чувство потери.

Но вместо привычного обновления локации экран выдал сухую сводку:

Последний раз в сети: 4 часа 12 минут назад.

Метка замерла на координатах квартиры. Без движения. Я открыл расширенную панель, проверяя состояние устройства:

Заряд: 0% (Критический)

Соединение: Отключено / Нет сигнала

GPS: Сигнал потерян

Я смотрел на цифры, пытаюсь рассуждать логически. Эстер вчера была на взводе, и после нашего тяжелого разговора о слежке она вполне могла просто швырнуть свой мобильный на тумбочку, не заботясь о зарядке. Это было самое простое объяснение, и я изо всех сил цеплялся за него.

Но тишина затянулась слишком надолго.

В этот момент телефон в моей руке ожил, завибрировав так резко, что я едва его не выронил. На экране высветилось имя, которое заставило меня мгновенно собраться.

Абрам Голдман.

Черт. Только не сейчас.

Если он звонит в такое время, значит, между ним и Эстер снова что-то произошло. Её идиотская убежденность в том,

что мой приезд — это лишь результат сделки с её отцом, могла спровоцировать очередной всплеск их затянувшейся размолвки. Я кожей чувствовал: если они снова сцепились из-за меня, последствия будут катастрофическими.

Я провел пальцем по экрану, принимая вызов, и прижал трубку к уху.

Я провел пальцем по экрану, принимая вызов, и прижал трубку к уху. — Да, Абрам.

— Она с тобой, Монро? — голос звучал сухо, без лишних слов.

— Нет, — я нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает нехорошее предчувствие. — Она должна быть у себя в квартире.

— Ты виделся с ней вчера? — вопрос прозвучал как разговор.

— Да, я говорил с ней, — я коротко выдохнул, глядя в иллюминатор. — Но вчера утром мне пришлось улететь в Огайо. Что-то случилось?

На том конце воцарилась тяжелая пауза, после которой голос Абрама изменился. Он стал низким, вибрирующим от той степени ледяной ярости, которая лишает возможности дышать.

— Я предупреждал тебя, Монро. Я ясно дал тебе понять, что если ты совершишь хотя бы одну ошибку, то отвечать за неё придется головой. Я доверил тебе всё исправить, — продолжал он, и я слышал, как он до бела сжимает челюсти. —

Но ты совершил абсолютно противоположное. Ты влез в её жизнь и разрушил последние опоры, которые я выстраивал годами. И отвечать за это, Лиам, теперь будешь только ты. Лично передо мной.

Внутри меня всё обледенело. Эта фраза о «последствиях» в сочетании с замершей точкой GPS на экране сложилась в одну жуткую картину. Моя рука, сжимавшая телефон, онемела. Горло сдавило спазмом, и на мгновение я забыл, как дышать.

— Говори... — вытолкнул я из себя. Голос сорвался, превратившись в хриплый шепот.

Я зажмурился, молясь только об одном: чтобы мои догадки оказались ложными. Чтобы она не сделала с собой то, о чем я боялся даже думать.

— Говори, Абрам! Что с ней?! Где она? — уже громче, почти срываясь, потребовал я. — Что произошло?

— Ее консьерж... Я заплатил ему, чтобы он лично уведомлял меня о каждом ее шаге. Вчера он видел, как она вышла утром, таща за собой чемодан, и до сих пор не вернулась! С ее карты было снято несколько тысяч наличными! Она сбегала, Монро, и я уверен, что не к тебе!

Он сделал судорожный вдох, и следующая фраза ударила по ушам сильнее, чем рев двигателей самолета:

— Так скажи мне, твою мать, где моя дочь?! Ты единственный, кто влез в ее голову достаточно глубоко, чтобы спровоцировать это безумие.

Я застыл, не в силах пошевелиться. В голове набатом стучало одно: «Чемодан». Она не просто ушла погулять. Эстер обрубилa концы. Она оставила мобильный в квартире, зная, что я буду следить за этой точкой на карте, пока она выигрывает себе время.

— Я буду в городе через два часа.

— Слушай меня внимательно, Монро, — голос Абрама стал совсем тихим, и от этого угроза прозвучала еще страшнее. В ней больше не было рокота, только сухой, безжалостный расчет человека, которому нечего терять. — У тебя есть полдня. Если через двенадцать часов я не буду знать, где Эстер, ты очень сильно пожалеешь, что вообще когда-то заговорил с ней. Ты проклянешь тот день, когда решил, что можешь играть в свои игры с моей семьей.

Связь оборвалась короткими, резкими гудками, которые отозвались в моей голове ударами молота.

Самолет уже оторвался от земли, и Нью-Йорк, где в лабиринте улиц исчезла Эстер, был в двух часах полета. Два часа абсолютного бессилия, пока я заперт в этой металлической коробке.

Она продумала всё до мелочей. Знала, что меня нет в штате, знала, что я первым делом буду проверять трекер, и цинично использовала это время, чтобы создать у меня иллюзию контроля. Сняв наличные, она разом отсекла все цифровые хвосты, обрубилa любые связи с прошлым и просто растворилась, уйдя в никуда с этим проклятым чемоданом.

Смерть отца и похороны — всё это мгновенно обесценилось, превратилось в серый шум. Внутри пульсировала одна-единственная мысль: она бежала не только от Абрама. Она бежала от нас обоих. От того замкнутого круга, который мы создали вокруг неё, от бесконечных манипуляций и той «любви», в которой не было ничего, кроме стремления контролировать. Я был уверен, что поступаю правильно, выстраивая всё именно так, но в её глазах я, вероятно, ничем не отличался от её отца — такой же равнодушный хищник, для которого она была лишь фигурой на доске. Она не искала защиты у Абрама, она бежала от двух мужчин, которые так и не удосужились увидеть в ней человека.

Я откинул голову на сиденье и закрыл глаза.

«Полдня, Лиам», — чеканил голос Абрама в моей памяти.

Но меня пугала не его месть. Меня пугало то, что Эстер сейчас была один на один с городом, который никогда не прощал слабости. И если она решит исчезнуть по-настоящему, я могу не найти её и за вечность.

#

Я подошел к двери её квартиры, чувствуя, как холод внутри сменяется глухим, пульсирующим напряжением. Я достал из кармана ключ — тот самый, что остался у меня после моего ухода. Я так и не вернул его просто потому, что тогда не думал о подобных вещах, а позже мне уже не хватило смелости, чтобы сделать этот окончательный шаг. Ключ превратился в ненужный артефакт прошлого, который я носил

с собой, сам не зная зачем. Но сейчас, когда замок поддался с сухим, безжизненным щелчком, я осознал, насколько дико и неуместно было мое вторжение.

Я вошел внутрь, и тишина квартиры Эстер ударила меня под дых сильнее, чем любой крик.

Она не просто ушла. Она выжгла себя из этого пространства.

В гостиной царил полный хаос, и это зрелище сбило меня с толку. Повсюду были разбросаны нотные листы — те самые, над которыми она билась ночами, теперь они валялись под ногами, помятые и разорванные. На диване и креслах в беспорядке лежала одежда. Это было непривычно, чуждо: я никогда не видел её такой. Она всегда была воплощением порядка, даже в моменты самого сильного стресса, а сейчас здесь всё выглядело так, будто она металась по комнате в лихорадке.

Мой взгляд зацепился за туфли, скинутые на ковре посреди комнаты. Те самые, что я снимал с неё, когда укладывал на кровать. Теперь они валялись там — она даже не потрудилась убрать их в гардеробную, словно привычный порядок для неё больше не имел никакого значения.

Я прошел на кухню, и взгляд сразу уперся в стол. Её телефон лежал там, оставленный намеренно. Она не забыла его. Она оставила его как напоминание о том, каким жалким подонком я был в её глазах. Этот предмет, через который я привык властвовать, теперь безмолвно свидетельствовал о моем

поражении, превращаясь в памятник её презрению.

В углу, в тени, стоял футляр. Я замер, глядя на её скрипку. Она была её голосом, единственным безопасным местом, и то, что инструмент остался здесь, означало лишь одно: там, куда она направилась, музыка ей больше не понадобится. Или же она решила замолчать навсегда.

Это не был побег капризной девчонки, желающей привлечь внимание. Капризные девчонки берут с собой любимые игрушки и проверяют, погнались ли за ними.

Это было моё персональное наказание. Мой приговор, оформленный в виде пустой квартиры и оставленного телефона. Она поступила со мной точно так же, как я с ней несколько недель назад: вычеркнула меня из своей жизни. Но, уйдя, она вычеркнула и себя из привычного мира, где у неё не было ни подруг, ни знакомых — ни единой живой души, к кому она могла бы прийти и кто мог бы её спрятать. Она шагнула в полную пустоту.

Абрам дал мне всего несколько часов на её поиски, прежде чем начнет методично уничтожать мою жизнь. Но мне было плевать. Плевать на его угрозы и на то влияние, которое он так старательно держал надо мной. Пусть Голдман лишит меня всего, пусть отнимет каждый ресурс, каждую связь — это больше не имело никакого значения. Потому что если я не найду её и не верну, без неё всё это просто теряет смысл.

Я не собирался терять время. Мне нужны были те, кто умеет работать в тени, не оставляя следов, поэтому я сразу задействовал лучших из тех, кого знал.

Брукс уже «вскрывал» город. Кейден был из той породы гениев, что видят мир через зеленые строки кода. Параллельно я отправил сообщение Дэвиду Холту — частному детективу, с которым мы закрыли не один десяток грязных дел. Холт был старым псом с мертвой хваткой: если он брал след, то не отпускал, пока не смыкал челюсти на горле правды.

Только их навыки могли дать мне точку отсчета — понимание того, откуда именно начинать этот поиск.

Я ворвался в свою квартиру только для того, чтобы сбросить ставший душным костюм. Никаких офисных галстуков, никакого пафоса. Темно-синие джинсы, простая футболка и куртка.

Звонок от Брукса застал меня, когда я застегивал ремень. — Говори, Брукс, — я бросил телефон на комод и поставил на громкую связь.

— Монро, слушай, — голос Кейдена был быстрым, на фоне слышался дробный стук клавиш. — Она вышла из дома в 8:49. Я вел её по камерам до ближайшего отделения банка. Там она сняла наличные и через пять минут уже спускалась в метро.

Я замер, затягивая ремень.

— Маршрут?

— Зашла на «72-й стрит», пересадка на красную ветку,

выход на «Пенсильванском вокзале». Она целенаправленно шла к кассам дальнего следования.

— Она купила билет? — в моем голосе против воли прорезалась надежда. Билет означал конечную точку. Шанс.

— А вот тут начинаются сложности, — Брукс замолчал, я слышал, как он усиливает аудиосигнал. — На кассах Пенн-стейшн стоят специфические камеры. Я вскрыл систему интеркома, через которую кассиры общаются с клиентами. Слышимость дрянная, но я вытянул звук.

— И? — я сжал край стола так, что костяшки побелели.

— Нет, Лиам. Она не взяла билет. Она просила рейс на север, но когда кассир потребовал удостоверение личности, Эстер просто развернулась и ушла. Поняла, что любая фиксация паспорта в системе тут же зажжет красный свет во всех базах. Это всё, что удалось услышать.

— Блять... — выдохнул я сквозь зубы.

Я сжал кулак так сильно, что костяшки побелели, а ногти впились в ладонь. Я закрыл глаза, чувствуя, как внутри разрастается холодный, мертвый вакуум. Она была так близко, в нескольких шагах от касс, и снова ускользнула, едва почувяв тень контроля.

— Остынь, Монро, — голос Кейдена в динамике оставался ровным. — Возможно, это даже хорошие новости. Раз она не села на поезд, есть вероятность, что она всё еще в городе. Она напугана, Лиам. А хаос всегда оставляет следы.

— Ищи дальше, Кейден. Куда она пошла, когда вышла из

здания вокзала?

— Сейчас... подожди... — послышалось шуршание, щелчки клавиш. — Вижу её. Она вышла через западный выход. На тротуаре она сама подошла к какому-то парню — один из тех зазывал, что перехватывают людей у вокзалов. Короткий разговор, он махнул рукой в сторону. Эстер кивнула и пошла выше по Восьмой авеню.

Я уже хватал ключи от машины, на ходу прикидывая карту района. Если она сама заговорила с уличным дельцом, значит, она искала способ уехать без документов.

— Куда она дошла?

— До заправки на углу. Там нет официальных касс, но стоят частные автобусы и мелкие перевозчики. На больших рейсах водители всегда требуют документы, но здесь... Здесь работают и те, кто возит людей в обход крупных терминалов. Лиам, если она села в один из этих «шаттлов», нам будет чертовски трудно. Там платят водителю в руки, никаких списков пассажиров, никаких баз данных.

— Продолжай смотреть, — отрезал я, уже выходя за дверь. — Выжми из камер всё, что сможешь. Мне нужен номер любого автобуса, который отходил оттуда вчера в нужное время. Если она уехала на частнике, я найду этого водителя, чего бы мне это ни стоило.

Я на мгновение замер у порога, быстро пролистывая контакты.

— Кейден, сейчас я скину тебе номер Дэвида Холта.

Сбрось ему всё, что накопил: таймкоды с вокзала, скриншоты этого парня-зазывалы и координаты заправки. Пусть Дэвид прямо сейчас едет туда и трясет эту улицу, пока ты ведешь её по цифровому следу. Если ты подтвердишь, что она всё-таки села в один из этих автобусов, мне нужно знать конечную точку её маршрута.

— Понял, сделаю, — коротко отозвался Брукс. На заднем плане я услышал частое, почти механическое постукивание клавиш — он уже был глубоко в системе.

Я сбросил вызов и быстрым движением отправил Холту короткое сообщение: *«Брукс передаст детали. Мне нужно больше информации. Срочно»*.

Дверь моей квартиры захлопнулась с тяжелым щелчком. Теперь я знал направление. Эстер хотела исчезнуть в толпе, затеряться среди тех, у кого нет имен, но она забыла одну вещь: в этом городе у стен тоже есть глаза, и сегодня все они работали на меня.

Глава 8.

Эстер

Music on: Chad Lawson, Royal Philharmonic Orchestra & James Southall — «Irreplaceable»

Тишина в этом доме не была уютной — она давила на барабанные перепонки, заставляя меня прислушиваться к собственному прерывистому дыханию. Я открыла глаза и еще несколько секунд просто смотрела в потолок, пытаюсь вспомнить, как я здесь оказалась. Огонь в камине почти дотлел, оставив после себя лишь горьковатый запах гари и едва заметное тепло, которое неохотно боролось с утренним холодом.

Я приподнялась на локте, и голову тут же прошила тупая, пульсирующая боль. Мое тело казалось чужим, тяжелым, словно набитым мокрым песком. За окном не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд. Только ослепительно-белый, выжженный снегом горизонт. Никаких дорог. Никаких соседей.

Я осторожно откинула тяжелое покрывало, которое всю ночь ощущалось как броня, и спустила ноги на пол. Холод пробрал до костей, и я невольно втянула голову в плечи. Желудок скрутило от такой резкой, голодной боли, что перед

глазами на мгновение поплыли пятна — я ведь со вчерашнего дня не проглотила ни крошки. В голове — пустота: события вчерашнего дня стерлись, оставив лишь смутные обрывки воспоминаний и тяжелый, горький привкус лекарства, который до сих пор стоял в горле.

На журнальном столике стояла чашка. Я взяла её дрожащими пальцами и выпила холодный, почти ледяной черный чай. Он был противным и горьким, но мне нужно было хоть что-то, чтобы унять дрожь в руках.

Я оглядела гостиную. Старый ковер, массивный стол из грубого дерева — всё здесь было пропитано одиночеством. Кухня, прятая за диваном, казалась еще меньше под своими низкими балками. Я медленно побрела туда, стараясь не шуметь. Наверху, за деревянным перекрытием, спал Райан — человек, чье лицо я толком не помнила из-за бреда, но чье присутствие было моей единственной нитью с реальностью.

На кухне было слишком чисто. Не та чистота, которая бывает после генеральной уборки, а та, что бывает от пустоты. Я открыла маленький, урчащий холодильник, и его стерильный свет ударил мне в лицо. Никаких контейнеров с домашней едой, никаких забытых в углу фруктов или недопитого сока. Здесь не было жизни. Не было женских рук, которые оставили бы хоть какой-то след — баночку крема на полке или хотя бы уютный хаос в специях. Всё выглядело так, будто Райан просто выживал здесь, а не жил.

Я закрыла его и потянулась к верхнему шкафчику. Дерево под пальцами было шершавым и холодным. Внутри обнаружили ровные ряды жестяных банок: фасоль в томатном соусе, консервированная ветчина, кофе. Еда для тех, кто привык быть начеку и не ждать никого к ужину.

Я взяла банку, чувствуя, как её металлический бок холодит ладонь. В этой тишине даже шорох моей одежды казался преступлением. Я была призраком в доме человека, который, кажется, тоже был лишь тенью самого себя.

В этот момент дверь негромко скрипнула, открываясь. От неожиданности пальцы разжались, и тяжелая жестяная банка с грохотом рухнула на пол. В оглушительной тишине дома этот звук показался мне пушечным выстрелом. Банка, бешено вращаясь, покатилась по старому дереву прямо к порогу, замедлившись лишь у чьих-то ног.

Я замерла, боясь поднять глаза. Сердце колотилось где-то в горле, отдавая в виски остатками лихорадки. Когда я всё же решилась посмотреть вверх, в дверном проеме стоял Райан. В руках он держал несколько бумажных пакетов. Через мгновение комнату заполнил их запах — свежий хлеб и что-то пряное. Ароматы из другой, нормальной жизни.

Он молча смотрел на меня, и в его взгляде не было злости, только какое-то спокойное, глубокое изучение.

— Кажется, кто-то проголодался, — сказал он, нарушив тишину. Голос у него был низкий, чуть хриплый с утра. Он прошел вглубь кухни и поставил пакеты на стол, даже не

взглянув на беспорядок, который я устроила.

Я рванулась вперед, едва не споткнувшись о край ковра, и быстро подняла банку. Пальцы мелко дрожали.

— Прости меня, — выдохнула я, прижимая холодную жесть к груди, словно щит. — Я не хотела у тебя тут рыскать... правда. Я думала, ты спишь. Думала что-нибудь приготовить... хотя бы фасоль.

Я замолчала, чувствуя, как лицо обжигает стыд.

— Еще раз прости за вчерашнее. Я совсем не хотела тебя обременять, Райан. Ты и так сделал слишком много. Если ты скажешь мне, как добраться до какого-нибудь отеля, я сейчас же соберусь и уйду. Я не задержусь здесь ни на минуту дольше.

Я ждала, что он укажет на дверь или хотя бы кивнет, соглашаясь, что мое присутствие — это ошибка. Но он лишь начал медленно доставать продукты из пакетов, и этот его будничны́й ритм пугал меня сильнее, чем если бы он начал кричать. В этом доме, затерянном в снегах Мэна, мой побег казался еще более отчаянным, а предложение уйти в никуда — почти самоубийственным.

— Я же сказал вчера: ты мне не мешаешь. Успокойся, — отозвался он, даже не обернувшись. Райан выкладывал на стол покупки, и по тому, как уверенно двигались его руки, было ясно — он привык распорядиться в этом доме сам. Свежий хлеб, свертки с мясом, какие-то овощи и плотный пакет с кофе. — Видимо, тебя вчера так накрыло, что ты по-

ловину слов мимо ушей пропустила. Пока не поешь — никуда не пойдешь. Это не обсуждается.

Он глянул на камин, в котором осталась лишь горстка серого пепла, и коротко выругался про себя.

— Черт. Совсем забыл, что дом остывает мгновенно. Ты как, замерзла?

Он подошел ближе — просто и буднично, как врач к пациенту. Перехватил мою ладонь, чтобы проверить температуру, и тут же нахмурился. Его пальцы были сухими и горячими, а мои на их фоне казались кусками льда.

— Эстер, да ты совсем ледяная.

Райан не стал дожидаться ответа. Он развернулся и быстро поднялся на второй этаж. Я едва успела моргнуть, как он уже спускался обратно, на ходу встряхивая тяжелую рубашку из плотной байки.

Он молча накинул рубашку мне на плечи, плотно запахнув её.

— Сейчас станет легче. Сейчас растоплю огонь и сделаю завтрак.

Я продела в рукава руки, утопая в огромной мужской одежде. От неё пахло стиральным порошком и чем-то хвойным. В этом его жесте не было никакой игры — только сухая, мужская исполнительность человека, который взял на себя ответственность за чью-то жизнь и просто делает то, что нужно.

— Садись, давай, нечего так стоять, — бросил он уже от

камина, принимаясь за щепки. — Отелей поблизости нет, а в таком состоянии ты и мили по снегу не пройдешь. Так что придется тебе задержаться.

— Я могу воспользоваться твоим... туалетом? — мой голос прозвучал едва слышно, в горле все еще саднило. — Я хотела бы умыться.

Райан молча указал на дверь сбоку от лестницы. Я коротко кивнула и отошла, стараясь не запутаться в полах его огромной рубашки.

Я открыла дверь и вошла внутрь. Это была небольшая ванная, в которой всё, от стен до пола, было отделано деревом, потемневшим от времени и влаги. Раковина, туалет и крошечное окно, почти полностью затянутое морозными узорами и присыпанное снаружи снегом. Я нащупала выключатель, и комнату залил тусклый, не слишком яркий свет, который выхватил каждую щербинку на деревянных панелях.

Я подошла к раковине и заставила себя взглянуть в зеркало.

Увиденное заставило меня замереть. От той, кем я была ещё недавно, не осталось почти ничего. На меня смотрела измученная незнакомка: бледная, почти прозрачная, с впалыми щеками и темными тенями под глазами. От бывшего лоска — калифорнийского загара и волос, выгоревших на солнце до золотистого блеска — не осталось ровным счётом ничего.

Я схватила стоявший рядом кувшин и опрокинула его, вы-

ливая воду в ладонь. Она была такой ледяной, что от одного запаха свежести перехватило дыхание. Я плеснула водой в лицо, чувствуя, как кожа немедленно онемела. Снова посмотрела на себя в зеркало, намертво вцепившись пальцами в края раковины.

Боже. Что я делаю? Какого меня сюда занесло?

Я стою в глуши, в доме у незнакомого мужчины. Без телефона, без какой-либо связи с миром. Без четких планов и с совершенно затуманенным разумом. Я просто беглянка, которая сама не понимает, куда бежит и на что надеется.

Я на секунду прикрыла глаза, пытаюсь унять дрожь в коленях. Толкнула дверь и вышла из ванной. На кухне уже всю хозяйничал Райан: по дому плыл густой аромат свежемолотого кофе и жареных яиц, которые весело шкварчали на плите. Он обернулся на звук моих шагов и, ничего не говоря, отодвинул тяжелый деревянный стул, приглашая меня за стол.

Я села, чувствуя себя неуклюжей в его вещах, и сразу обхватила горячую чашку обеими руками. Тепло керамики немного уняло дрожь в пальцах.

— Я могу вызвать такси к твоему дому? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Райан на секунду замер, а потом медленно обернулся. На его лице промелькнула улыбка, но она мне совсем не понравилась — в ней было слишком много снисхождения, как будто я сморозила глупость.

— Эстер, мы в Гринвуд-Лейк, — мягко произнес он, ставя передо мной тарелку с завтраком. — Это севернее самого Портленда. Здесь не то что такси — здесь в радиусе двадцати миль до ближайшей расчищенной трассы нет ничего, кроме частных дорог, которые после вчерашнего бурана превратились в снежное месиво.

— Ты ведь выезжал сегодня в магазин, — упрямо проговорила я.

Райан покачал головой.

— Нет. Я заезжал к семье фермеров, они живут в паре миль отсюда. Купил у них кое-какие припасы и хлеб — они пекут его сами. Еле проехал. В некоторых местах даже приходилось расчищать снег вручную.

Он сел напротив. Его взгляд был спокойным и открытым, словно он объяснял очевидные вещи ребенку, но в то же время в нем читалась непреклонность.

— Мой внедорожник хоть и массивный, но даже он там сейчас не пройдет. Поэтому вынужден тебя огорчить: тебе придется здесь немного задержаться.

Он пододвинул ко мне сахарницу.

— Поешь. Тебе нужно восстанавливать силы. Как только дорожные службы расчистят завалы — а это займет время — я сам отвезу тебя в город, к любому терминалу. Идет?

Его голос звучал так разумно и заботливо, что паника, начавшая было подниматься в груди, немного отступила. Он не запирал двери, не прятал ключи. Он просто констатиро-

вал факты, предлагая дожидаться безопасного момента. Но это ощущение, что я отрезана от мира милями снежной пустыни, всё равно осело холодом где-то под ребрами.

Я посмотрела на тарелку. Золотистая яичница, пара ломтиков поджаренного хлеба и несколько хрустящих, лоснящихся от жира полосок бекона. Мой желудок отозвался болезненным спазмом, требуя любой еды, но я замерла. В горле встал ком.

Дело было не в религии — я давно не заходила в синагогу, — а в каком-то древнем, вшитом в ДНК коде, который кричал: *не трогай это*. В голове всплыл голос бабушки Рахиль и субботние ужины в нашем доме в Сан-Франциско. Запах океанского бриза, смешанный с ароматом домашней халы... Это было так далеко, словно в другой жизни, но барьер вырос прямо здесь, на этой кухне в лесах Мэна.

— Что? — спросил Райан, заметив мою заминку. — Ты вегетарианка или что-то типа того?

Я подняла на него глаза.

— Райан, это выглядит потрясающе, и я ужасно голодна, но... я не ем свинину. И если это готовилось на одной сковороде с беконом, я просто не смогу это съесть. Глупо, да? Учитывая, что я в бегах, бросила всё...

Я осеклась. *Ой, вей, про «в бегах» не нужно было говорить*, — обожгла мысль. Я постаралась скрыть вспышку страха за виноватой улыбкой.

— Я просто не могу. Это сильнее меня. Прости, пожалуйста-

ста. Я знаю, как это звучит сейчас.

Я опустила голову, ожидая любой реакции — от раздражения до насмешки. Райан на секунду замер с кофейником в руке. Его серьезный взгляд скользнул по моему лицу, задерживаясь на побелевших костяшках пальцев, которыми я вцепилась в край стола.

Он не стал выспрашивать про мои слова о побеге и не произнес ни слова в осуждение. Просто взял мою тарелку, молча унес её, а через мгновение вернулся, поставив передо мной новую. На ней лежал ломоть свежего, еще дышащего теплом хлеба и небольшая пиала с густым, темным медом и ломтиками твердого сыра.

— Ешь, Эстер, — сказал он спокойным, ровным голосом. — Хлеб еще теплый. Кофе будешь с сахаром?

В этот момент я поняла, что за его внешней суровостью скрывается какая-то удивительная мужская деликатность. Он просто принял это как факт.

Я проглотила кусочек хлеба и, стараясь придать голосу обыденности, спросила: — Ты живешь здесь один?

Райан кивнул, не сводя с меня глаз поверх края своей чашки. В его взгляде не было любопытства, скорее спокойное наблюдение.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — проговорил он. — Конечно, — ответила я, хотя внутри всё сжалось.

Он выдержал паузу, словно взвешивал слова, и по мере того, как затягивалось молчание, я чувствовала, как по спи-

не пробегают холодоки. Я перестала жевать, когда он наконец заговорил.

— Каков твой план, Эстер? — Его голос был низким и ровным. — Я смотрю на тебя и вижу девушку, чья жизнь была выстроена по четким правилам. Ты не похожа на авантюристку, которая в один прекрасный день решила бросить всё ради острых ощущений и выхода из зоны комфорта.

Он слегка наклонил голову, и в его глазах блеснул стальной отблеск ума.

— Я видел твой чемодан в прихожей — это не вещи случайного путника, как и то, как ты держишься. Такие, как ты, не сжигают мосты без веской причины. Но если ты действительно решила начать жизнь с чистого листа, то выбрала для этого самое неподходящее место на карте. Эти леса не дают ответов, они только помогают спрятаться. Так что ты задумала на самом деле? Что ты собираешься делать, когда снег растает?

Его вопрос не был сухим допросом — это был точный, почти хирургический анализ. Он видел меня насквозь, и от этой его пронизательности мне стало куда неудобнее, чем от осознания того, что я заперта в лесу с незнакомцем.

Что я собираюсь делать? Если бы я сама знала ответ на этот вопрос.

Я опустила взгляд на чашку, и пар от кофе коснулся моего лица, словно призрачная вуаль. Признание давалось с трудом — каждое слово весило тонну.

— У меня нет четкого плана, Райан. И, честно говоря, я до конца не понимаю, что творю. Ты прав... — я горько усмехнулась, глядя на свои чистые, никогда не знавшие тяжелого труда руки. — Мой мир всегда был выверен до секунды, расчерчен по линейке. Я жила в коконе из комфорта, тепла и предсказуемости.

Я подняла на него глаза, пытаюсь отыскать в его лице хоть каплю понимания, но наткнулась лишь на непроницаемое спокойствие.

— Но сейчас всё это не имеет значения. Единственное, чего я хочу — чтобы между мной и тем городом пролегло как можно больше миль. Чтобы я наконец исчезла с их радаров и перестала быть объектом, которым можно управлять. И я... я правда бесконечно благодарна, что ты не оставил меня там, на дороге. Что приютил.

Райан молчал, медленно вращая чашку в ладонях. Казалось, он взвешивает мои слова, пытаюсь понять, насколько они правдивы.

— Благодарность — плохой помощник, Эстер, — наконец произнес он. Его голос звучал глухо, как звук шагов по мерзлой земле. — Она заставляет тебя видеть то, что ты хочешь, а не то, что есть на самом деле. Ты думаешь, что если отъедешь подальше от дома, проблемы останутся там, в зеркале заднего вида. Но это так не работает.

Он подался вперед, и свет из окна жестко очертил скулы.
— Мэн не прощает пустых надежд. Сюда не приезжают

«просто начать с чистого листа» — это сказки для тех, кто не видел настоящей зимы. Здесь либо ты находишь почву под ногами и становишься частью этой жизни, либо лес быстро высасывает из тебя силы, оставляя ни с чем. Если ты бежишь только от них, а не к чему-то своему, ты проиграешь. Здесь нет места для тех, кто сам не знает, чего хочет.

Его слова ударили наотмашь. Я смотрела на свои побелевшие пальцы, обхватившие чашку, и чувствовала, как внутри всё съеживается. Райан не просто высказывал мнение — он расчертил черту, за которой моя прошлая жизнь окончательно превращалась в пыль. Это было неприятно, жестко, но это был первый раз, когда кто-то не пытался меня пожалеть или вежливо обойти острые углы. Он говорил прямо, без прикрас. И эта его холодная честность пугала меня даже больше, чем неопределенность будущего.

После завтрака Райан ушел в свою мастерскую, оставив меня наедине с тишиной и догорающим пламенем. Я плотнее укуталась в тяжелый плед, пытаюсь впитать кожей сухое тепло камина, и замерла, глядя, как танцуют на поленьях рыжие языки огня.

Дом Райана казался идеальным убежищем — крепостью из камня и дерева, затерянной в снегах Мэна. Здесь время замирало, а внешний мир превращался в далекий, невнятный шум. Но как долго я смогу оставаться призраком? Быть невидимой легко до тех пор, пока тебе не нужно ничего, кроме чашки кофе и чужого одеяла.

Стоит мне попытаться сделать шаг к самостоятельности — устроиться на работу, снять жилье или, не дай бог, попасть в больницу — и мне придется предъявить удостоверение личности. Одна вспышка в базе данных, один цифровой след, и двое мужчин моей жизни, словно акулы, почуявшие кровь, мгновенно возникнут на горизонте. Моя свобода закончится ровно в ту секунду, когда я заявлю миру о своем существовании.

От этой безысходности и собственной слабости внутри стало пусто. Я чувствовала себя загнанной в тупик, где каждый выход вел к одному и тому же финалу: возвращению под их контроль. Вся моя жизнь была борьбой против их права решать за меня, как мне дышать и кого любить. И теперь, в этой лесной тишине, я понимала, что их власть не исчезла — она просто затаилась, ожидая моей первой ошибки.

Горячая слеза обожгла щеку; я резко, почти зло, стерла ее рукавом огромной мужской фланелевой рубашки. Я не позволю им снова стать сценаристами моей судьбы. Только не в этот раз.

Глава 9.

Лиам

Music on: Dave feat. James Blake — «Selfish»

Девять утра.

Это время всегда казалось мне началом чего-то привычно-ритмичного: подготовки к судебным слушаниям, оттачивания правовой тактики и защиты чужих жизней. Но сегодня цифры на циферблате моих часов выглядели как смертный приговор. Я мельком взглянул на запястье — стрелки двигались с неумолимой, почти издевательской точностью, отсчитывая время, которое я бездарно терял.

Я стоял у панорамного окна, до боли сжимая в руке чашку с черным кофе. Он давно остыл, покрывшись тонкой маслянистой пленкой, но я продолжал держать его, просто чтобы занять руки и не дать им задрожать от ярости.

Нью-Йорк за стеклом уже всюду ревел, задыхаясь в пробках и суете — огромный, безразличный механизм. Город, который сожрал Эстер, не оставив даже тени.

В гостиной стоял тяжелый гул, который обычно сопровождает работу кризисного штаба. Кейден Брукс, которого я сорвал из Цинциннати первым же рейсом, сидел за обеденным столом, заваленным оборудованием. Гул кулеров его

мощных ноутбуков перекрывал шум просыпающегося города. Мы не смыкали глаз уже сутки. Кейден часами взламывал каждую частную камеру в радиусе десяти кварталов от той заправки и без конца обновлял базы данных больниц, моргов и банков.

— Пока ни хрена, Лиам, — бросил Кейден, не оборачиваясь. Его пальцы летали по клавишам, выуживая из цифрового шума лица, силуэты и тени. — Она словно сквозь землю провалилась сразу после того, как зашла за те чертовы автобусы. Весь Манхэттен утыкан камерами, но я чувствую себя так, будто ищу иголку в стоге дерьма, пока мне свет выключают.

Последний отчет Холта жег мне мозг. Она пыталась купить билет на автобус, но когда у неё снова потребовали удостоверение, она просто развернулась и ушла. Она металась по вокзалам, пытаясь обмануть систему, которая буквально перекрывала ей любой выход из города. И в итоге — тупик. Глухое пятно на карте Манхэттена.

Сам Дэвид в это время неподвижно застыл на диване, едва различимый в облаке едкого сигаретного дыма. Он методично обзванивал своих бывших коллег и частных ищущих, которые сейчас работали на Голдмана. Его голос, низкий и хриплый, вклинивался в тишину моей квартиры короткими, рублеными фразами:

— Да, я понял. Если на Грейхаунде всплывет фамилия — дай знать. Нет, Голдману не говори, сначала мне... — Холт

сбросил вызов и затянулся, глядя в никуда. — Абрам поднял на уши даже тех, кто уже на пенсии, Лиам. Весь город превратился в одну большую облаву.

Я потер глаза, ощущая, как веки болезненно царапают глазные яблоки, будто в них насыпали пригоршню песка. В сорок два года ты привыкаешь быть чертовым стратегом, который видит ходы на три шага вперед и всегда имеет план «Б». Но Эстер... она просто вышла из игры, оставив меня смотреть на пустую доску.

Абрам дал мне всего полдня на поиски, и этот срок истек еще вчерашним вечером. Сейчас, судя по гробовой тишине в моем телефоне, Goldman уже начал свою «казнь». Я кожей чувствовал, как за пределами этой квартиры рушится всё: моя репутация, доступ к счетам, карьера, которую я строил годами. Но для меня это сейчас не имело равным счетом никакого значения. Все эти активы казались мусором по сравнению с тем, что я мог потерять её.

Черт возьми, если Абрам найдет её первым — я буду самым счастливым человеком на свете. Пусть он уничтожит всё, чего я добился, пусть исполнит свои угрозы и «снесет мне голову» за то, что я не уберег его дочь, мне плевать. Лишь бы она была в безопасности. Лишь бы она была жива.

Я чувствовал себя самым ничтожным идиотом в этом мегаполисе. Пока я в Огайо зарывал в землю отца и пытался осознать, что так и не успел ничего исправить перед его финалом, она здесь задыхалась от моего дистанционного кон-

троля. Из-за меня — только из-за меня — она сейчас где-то совсем одна в этой агрессивной, хищной среде, которая не прощает слабости.

Мир внезапно перестал быть для неё декорацией и превратился в хаос неуправляемых рисков, где каждый встречный — потенциальная угроза. Она там без защиты, без связи, с пачкой наличных в сумке, которые превращают её в идеальную мишень для любого, кто учует её уязвимость. Она — добыча, выставленная на витрину, а я — тот, кто содрал с неё бронезилет.

В дверь коротко и требовательно постучали. Холт поднялся с дивана, бросил на меня быстрый взгляд и, получив мой беззвучный кивок, потянул на себя тяжелую дверь. В квартиру вошли Локвуд и Гейтс. Мне пришлось позвонить им и предупредить, что в офисе появлюсь еще не скоро в связи с этой ситуацией. Но на мои прямые просьбы не приезжать они ответили своим появлением на пороге. Они никогда не умели стоять в стороне, когда я начинал играть с огнем, рискуя всем.

Они замерли в проеме, и это короткое, давящее молчание подчеркивало масштаб катастрофы лучше любых слов. Они обменивались взглядами, оценивая хаос из проводов, Кейдена, который едва не выл от напряжения, и мое состояние.

— Мы здесь, Лиам, — голос Гейтса прозвучал глухо, разрезая тишину.

Я не обернулся, хотя слова Гейтса отозвались во мне

странным, горьким теплом. Я ценил их преданность — в этом мире, где каждый искал выгоду, они были единственными, кто пришел ко мне не из чувства долга, не за деньги и не по контракту, как Брукс или Холт. Они пришли просто потому, что это были они. Единственные, кто остался рядом, когда всё начало рушиться.

Но мне было плевать на то, что они думали о моих методах. Я знал, что в их глазах я сейчас выглядел как безумец, который ради одной девчонки вскрывает городские сети, рискует лицензией и подставляет под удар партнерство, которое мы выстраивали годами. Для них закон был инструментом, для меня сейчас — досадным препятствием. Я кожей чувствовал их осуждение, смешанное с жалостью, и это бесило меня больше, чем угрозы Абрама.

Я смотрел на её телефон, который забрал из квартиры и бросил на стол. Он лежал там как немой упрек моей самоуверенности. Холодный сплав титана — всё, что осталось от моего единственного способа держать её в поле зрения, который она так легко обесценила своим уходом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.